

ЗМЕИНОЕ ГНЕЗДО

16+

БЕЗУМНЫЙ МАГ

ЗЛАТА ИВОЛГА

Змеиное гнездо

Злата Иволга

Змеиное гнездо. Безумный маг

«Автор»

2016

Злата Иволга

Змеиное гнездо. Безумный маг / Злата Иволга — «Автор»,
2016 — (Змеиное гнездо)

Кронпринцесса Вильгельмина вынуждена скрываться, король Тусара вместе с кузеном намерены разыскать шантажиста, а тайны эмиры Гюльбахар начинают выходить наружу. Загадочные бумаги путешествуют по странам, оставляя за собой кровавый след, в то время как искра безумия, тлеющая в одном из Магистров Башен, превращается в настоящий пожар. Продолжение и окончание приключений героев во втором романе дилогии «Змеиное гнездо» – "Безумный маг".

© Злата Иволга, 2016

© Автор, 2016

Содержание

Реприза	6
Часть I	8
Глава 1	9
Королевский дворец, столица, Тусар	9
Герцогство Поляна, Илеханд	11
Окрестности Столичного тракта, Илеханд	13
Глава 2	19
Королевский дворец, столица, Илеханд	19
Дворец эмира, Сурида	21
Герцогство Синие Камни, Тусар	23
«Злая скумбрия», открытое море	26
Глава 3	31
Герцогство Синие Камни, Тусар	31
«Злая скумбрия», открытое море	35
Ресторан «Алмазное сердце», столица, Илеханд	37
Глава 4	42
Ресторан «Алмазное сердце», столица, Илеханд	42
Вилайет Сэдыр, Сурида	48
Особняк герцогини Оттилии, столица, Илеханд.	50
Королевский дворец, столица, Илеханд	52
Глава 5	56
Вилайет Сэдыр, Сурида	56
Королевский дворец, столица, Илеханд	58
Герцогство Синие Камни, Тусар	60
Герцогство Морская Длань, Илеханд	63
Глава 6	66
Королевский дворец, столица, Илеханд	66
Улицы; особняк Корфов, столица, Илеханд	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Злата Иволга

Змеиное гнездо. Безумный маг

*Каждый выбирает по себе
Щит и латы, посох и заплаты.
Меру окончательной расплаты
Каждый выбирает по себе.
Ю. Левитанский*

Реприза

«25 День Носа Оленя.

Я писал несколько часов, и у меня теперь болит рука. Но не это важно. Самое главное, что дело, которое отняло много лет моей жизни, подходит к концу. Я решился, с Божьей помощью, на эксперимент, основываясь на непроверенных записях. Многие коллеги и не помыслили бы о таком риске, но я верю, что моя удача искупит трагическую историю, которая привела к этим исследованиям. В ином случае, потеря, кроме моей жизни, не будет. Все, что мне дорого, я уже утратил. А моя жизнь, как и жизнь любого мага, принадлежит Богу нашему Хору и науке.

Моя драгоценная незабвенная королева. Сейчас, несмотря на всю сложность стоящей передо мной задачи, единственное, что я жажду больше всего на свете – это увидеть тебя вновь. Хор сделал меня самым счастливым человеком именно потому, что мой великий труд послужит не только общественному благу, но и моему тоже».

Стефан отложил перо, аккуратно закрыл тетрадь, несколько минут посидел, беззвучно проговаривая про себя молитву, потом встал и покинул свои апартаменты. Перед сном старших принцесс няня обычно выводит в сад подышать вечерним воздухом.

В саду, недалеко от входа во дворец, он подошел к няньке, присматривающей за играющими в траве девочками, и, стараясь не выдать волнения, сказал извиняющимся голосом:

– Принцессам пора пройти ко мне. Ее величество должна была предупредить вас.

Нянька подняла на него глаза и недоуменно свела свои густые брови.

– Но сейчас уже так поздно. Я приготовила их ко сну.

– Увы, – Стефан пожал плечами, кинув беглый взгляд на одетых в длинные рубашки принцесс, – мой занятой коллега из Шестой Башни прибыл только сейчас. Я и сам несколько сбился с графика. Это не займет много времени.

– Хорошо, – кивнула женщина и, подозвав двух рыжеволосых девочек, взяла их за руки. – Мы пойдем медленно, ваше сиятельство, а вы пока сможете оповестить няню в детской.

В ее словах был смысл. Стефан оправился к жилому крылу и повторил охраняющим его гвардейцам то, что говорил в саду. Он ни на секунду не забывал повторять про себя последовательность своих действий. Ему нельзя ошибиться, особенно в таком трудном и опасном деле.

– Конечно, ваше сиятельство, – закивала объемным чепцом вышедшая няня. – Их высочества спят, и они могут даже не проснуться. Если вы утверждаете, что это не займет много времени, то я принесу их.

У апартаментов Стефана ожидала первая няня. С ее помощью маг завел старших принцесс в свою приемную, позволил няне в чепце передать ему малышей, не переставая благодарить, оставил обеих женщин за дверью и запер ее. Теперь пути назад не было.

Стефан осторожно положил одного младенца на мягкий стул, взял за руку озирающуюся по сторонам рыжую девочку и активировал телепорт. Как хорошо, что маленькие дети крепко спали. Оставалось надеяться, что перемещение не заставит их проснуться и не ухудшит самочувствие. В этом тоже был определенный риск. Узнав, что он переносит через портал маленьких детей, многие коллеги пришли бы в ужас.

Появившись в своей тайной лаборатории, Стефан убедился, что все в порядке, ласковым голосом сказал девочке, чтобы она присмотрела за сестренкой, и переместился обратно в комнату во дворце. Там все было тихо, но когда Стефан взял вторую рыжую принцессу за руку, та неожиданно завертелась и стала хныкать. В дверь приемной вежливо и аккуратно постучали. Няньки услышали и забеспокоились. С детьми всегда так, никогда не знаешь, как они себя поведут. Впрочем, теперь это не имело значения. Стефан ушел в портал.

В лаборатории плачущая принцесса вырвалась и кинулась к сестре, которая, сидя прямо на полу вместе с оставленным на ее попечении младенцем, с интересом смотрела на Стефана.

Маг улыбнулся ей, подошел к многочисленным полкам и положил на одну из них принесенную с собой из дворца тетрадь со своими записями. Пока он искал на тех же полках нужные ему вещи, девочка попыталась встать, но младенец, частично лежащий на ее ногах, мешал ей, она снова плюхнулась на пол и неожиданно рассмеялась. Хныкающая сестра-близнец, вцепившаяся в ее рубашку, замолкла.

– В чем дело, ваши высочества? Или вас тоже интересует мой эксперимент? В таком случае... – Маг замер на полуслове, не успев остановить Слово и Жест, с ужасом глядя на пустое место, которое образовалось там, где только что находились три принцессы. Маленькая негодяйка активировала портал, почти в точности повторив действия Стефана. Насколько он помнил, голубая рубашка была у принцессы Генриетты. У нее, оказывается, магический дар! И только Хор знает, куда их теперь могло занести. Со стоном Стефан прижал к себе оставшуюся принцессу, все еще крепко спящую, и переместился обратно в свою приемную. Есть маленькая вероятность, что Генриетта ушла в портал в то место, которое ей запомнилось последним. И надо уповать на это, иначе... Хор всемогущий, но зачем он взял с собой младенца?!

Когда Стефан появился в приемной, на него смотрели недобро прищуренные глаза стоящего перед ним принца Карима, за спиной которого толпились гвардейцы. Няньки все-таки подняли тревогу. Застигнутый на месте преступления, с маленькой принцессой на руках в полностью пустой комнате, придворный маг не сразу смог подыскать слова для своего оправдания. В то, что он не хотел причинить малюткам никакого вреда, их отец все равно не поверит.

– Ваше высочество... – только и успел выдать из себя Стефан, как принц Карим, подняв саблю, кинулся к нему.

Вокруг мага мгновенно образовался сильный вихрь, призванный защитить его от нападения. Это заклинание было довольно простым и не требовало долгого плетения. Однако оно отозвалось болью в висках и страшной слабостью. Множественные порталы давали о себе знать. Вихрь вышел неожиданно сильным. Порыв ветра опрокинул стол и окружил мага стеной из разнообразных вещей, летающих по всей комнате, заставив принца и гвардейцев попятиться к двери. Стефан попытался удобнее перехватить младенца и освободить правую руку, чтобы уйти в портал, но внезапно с поразительной четкостью увидел, как узкий костяной футляр для письма, подобно арбалетному болту, пробил глазницу принца Карима. Его тело рухнуло к ногам мага, и кровь залила резные изображения лилии и зимородка на так и не дождавшемся своего послания футляре. Стефан закричал от ужаса, разом утратив контроль над заклинанием, и хотел спрятать лицо в ладонях, чтобы не видеть этого кошмара, но в его руках была маленькая принцесса.

Точно разбуженный его криком потный усатый лейб-гвардеец с ошалевшими глазами выхватил кинжал и шагнул к магу, непонятно зачем поднявшему перед собой ребенка. Шпага вонзилась почему-то в ногу, а короткий клинок наотмашь резанул по животу, и гвардеец резко отскочил назад, будто испугавшись этого мимолетного соприкосновения.

Леманн почувствовал что-то теплое и влажное в паху, посмотрел вниз и увидел набухающий кровью распоротый колет. Стефан тихонько заскулил и медленно опустился на пол.

– Господь мой! – неожиданно четко произнес он, и склонившиеся над телом принца Карима гвардейцы вздрогнули. – Господь... мой, ныне вступаю на путь к Вратам... к Вратам и молюсь... молю... тише! – простонал умирающий маг, скорчившись и прижимая к себе вопящего младенца. – Пошли мне проводника... чтобы довел... провел... да тише же! Ты же меня сбиваешь!

Из-под опущенных век потекли слезы, Стефан Леманн всхлипнул и затих.

Часть I

*Ворвался вглубь моей дремоты сонной
Тяжелый гул, и я очнулся вдруг,
Как человек, насильно пробужденный.
Данте Алигьери «Божественная комедия»*

Глава 1

Королевский дворец, столица, Тусар

В старых комнатах покойного короля Армандо предсказуемо пахло пылью и склепом. Герцог Леонардо не был здесь двенадцать лет и отказался бы от этого сомнительного удовольствия еще три раза по столько же, однако венценосный кузен вызвал его для важного разговора именно сюда. Леонардо сидел в неудобном кресле, положив левую ногу на подушечку на небольшой скамейке, и зевал. Напротив в нише, в полумраке, возвышалась большая кровать, накрытая голубым покрывалом, расшитым порхающими зимородками. Именно здесь король Армандо испустил свой последний вздох. Все королевство скорбело, кроме, пожалуй, родственников короля. Его покои остались в том виде, в каком находились при жизни. Сын и наследник не пожелал в них поселиться, и в этом Леонардо понимал его, как никто другой.

Король Лоренцо появился как раз тогда, когда герцог уже готов был расположиться на смертном одре Армандо, завернуться в пыльное покрывало и заснуть.

– Ужин в теплом семейном кругу? – осведомился Леонардо после взаимных приветствий.

– В теплом суридском кругу, – поморщился Лоренцо. – Нихан пригласила двух своих фрейлин, посла и Джулио. Выпьешь?

– Пожалуй, – кивнул Леонардо. – По какому случаю был прием?

– По случаю очередной идеи Нихан, – ответил Лоренцо, извлекая из резного дрессуара бокалы. Оставалось надеяться, что не столь пыльные, как все вокруг. – Сватовство.

– Донато много позволяет своей жене, – хмыкнул Леонардо. – Посол слишком хорошо знает этих фрейлин, а нашему придворному магу и так есть, чем заняться. Вот в Башне посмеются, если у советника Джулио появится суетливая неугомонная жена.

– Нихан сразу понравилась Донато. – Лоренцо протянул бокал кузену. – И только Млет знает, чем.

– Это была твоя идея, посвататься к рыжему семейству, – заметил Леонардо. – И не гневи Бога. Говорят, вторая принцесса еще хуже.

– Но, может, плодовитее, – недовольно буркнул Лоренцо.

Воцарилась короткая тишина, пока король пил свое вино, как всегда, залпом. Леонардо лениво размышлял, стоит ли сказать вполне ожидаемую гадость, но решил, что это пока преждевременно.

– Еще Джордано застрял в Илеханде, – сказал Лоренцо, допив вино и наливая себе еще.

– Ты пьешь, как Лючано, – укоризненно заметил Леонардо. – В вас обоих нет никакого уважения к старинному и благородному напитку. Джордано и сын в Поляне, как и Албертина. Лоренцо внимательно посмотрел на герцога и удивленно улыбнулся.

– А к кому же ты ездил в Синие Камни? Да еще и верхом. Я считал, что ты соскучился по жене.

Леонардо захотелось пнуть кузена-короля, но для этого надо было встать с кресла. Поэтому он ограничился тем, что покачал носком своего левого сапога, подошва которого была гораздо толще, чем правая. Герцог давно уже научился извлекать некоторую пользу из своей врожденной хромоты. Например, заставляя родственников подспудно чувствовать свою вину за то, что они здоровы. С годами эта способность отточилась идеально. Вот и сейчас Лоренцо чуть нахмурился и отвел глаза от левой ноги кузена.

– Я рассчитывал, что Албертина уже вернулась от брата, – сказал Леонардо. – Однако в замке меня ждало письмо, что она задержится в Поляне. Видимо, из-за Лючано и Джордано.

– Наше семейство скоро станет семейством илехандского Фердинанда, – буркнул Лоренцо.

– Не волнуйся, я путешествовал осторожно и иногда пересаживался в карету. Моя спина не болела, – снова нажал на кузена Леонардо и с удовлетворением увидел, как тот виновато вздохнул. Герцог слишком не любил шутки о своей жене и ее иноземных родственниках.

– Албертина скоро вернется, брат, – сказал Леонардо и прикрыл глаза.

– Ты в этом уверен? – резко спросил Лоренцо и, перестав кружить по комнате, подошел к креслу герцога.

– В чем? – лениво поинтересовался Леонардо. – В том, что Албертина приедет?

– Ты прекрасно понял, о чем я, – зло выдохнул Лоренцо, повернулся и теперь уже уселся в кресло, пристально глядя на кузена.

– Нет, не уверен, – тихо ответил Леонардо и открыл глаза. – Мать сама не была уверена. А мой отец и Армандо были похожи. Как и полагается близким родственникам.

Лоренцо еще с минуту сидел молча, вцепившись в свой пустой бокал, а Леонардо с интересом наблюдал за ним.

– Ни я, ни мой отец герцог Коррадо не любили Армандо, – продолжал говорить он. – Как и ты. Только ты почему-то продолжал идти у него на поводу.

– Он был моим королем и отцом, – прошипел Лоренцо. – И, вероятно, твоим тоже.

– Ты позвал меня, чтобы поговорить о нем, – кивнул Леонардо.

– Не совсем. Одно дело давно не дает мне покоя. Как оказалось, о случившемся с моей мачехой знал кто-то еще.

Вот теперь королю удалось удивить Леонардо. Недаром они заговорили о старых делах и секретах. Волнение охватило Леонардо, и он понял, почему Лоренцо сегодня в таком странном настроении. Герцог подался вперед и протянул свой бокал.

– Был свидетель? И много он видел и слышал?

– Все. И скандал, и смерть Жанны. Кто-то прятался в ее комнатах.

– И где он? Ты нашел его?

Лоренцо налил вина и кузену, и себе, снова залпом опустошил свой бокал и откинул голову на спинку кресла.

– Нет. Но он пишет мне угрожающие письма и требует больших денег. Я подозревал придворных дам, вечно всюду сующих свой нос, но след оказался ложным.

Леонардо сам не заметил, как скопировал жест короля, мгновенно выпив свой бокал до дна.

– Первые письма загадочным образом попадали прямо в мои апартаменты, – продолжал Лоренцо. – Я решил обыскать все наше крыло и, обнаружив тайный ход в комнатах королевы, приказал его замуровать. Однако письма приходят не перестали, только теперь их доставляли гонцы.

Так вот что означал внезапный ремонт в апартаментах королевы Грации. А Леонардо тогда, помнится, удивило неожиданно проявленное внимание короля к давно оставленной жене.

– И ты послал Джордано в Илеханд? – Скамейка с подушечкой упала, но герцог не обратил внимания. Левая нога встала рядом с правой, и Леонардо поднялся с кресла, прихрамывая, подошел к креслу кузена, и присел на подлокотник.

– Не перенапрягайся, – предупредил его Лоренцо. – Я принял меры предосторожности.

– Эти меры – граф Риччи в качестве посла? А я-то все понять не мог, к чему тебе такой риск. – Леонардо покачал головой. Лоренцо, похоже, совсем потерял голову, если решился на такое. – И что – он поймал кого-нибудь?

– Он не отвечает на письма. И в Поляне его нет, хотя он должен был выехать из илехандской столицы вместе с Джордано. Однако основную миссию граф выполнил. Помолвка состоялась. Правда, закончится ли она свадьбой, пока под вопросом.

Леонардо кивнул, умолчал о неизвестной канаве, где теперь надо искать тело незадачливого графа, и медленно вернулся в свое кресло.

– Почему ты мне раньше не рассказал, что тебя шантажируют?

– Потому что мне надоело, что грязный хвост, тянущийся за моим отцом, задевает всех нас, – устало сказал Лоренцо.

– Нам повезло, что семейка Жанны теперь не на троне Феля. Иначе бы шантажист сунулся еще и туда, – хмыкнул Леонардо, хотя смешного здесь, конечно, было мало.

– К злым духам Фель. Анонимные письма Фредерике стоили бы нам гораздо дороже.

– Фредерика умерла, – напомнил Леонардо.

– Да, – с нажимом произнес Лоренцо. – Джордано застрял в Поляне, граф Риччи пропал. Неизвестно, что придет в голову Вильгельмине. У старой змеи хотя бы ум был на месте.

– А принцесса Нихан сватает своих фрейлин за суридского посла и придворного мага, – закончил Леонардо. – Вместо того чтобы осчастливить королевство наследником.

Лоренцо сдвинул рукой бокал так, что тот лопнул. Отряхнул осколки и потряс в воздухе ладонью. Леонардо настороженно следил за ним. Похоже, тяжело далось королю время под гнетом неизвестного шантажиста. Интересно, неужели он все-таки подозревал Леонардо и поэтому все скрыл от него? Или Лоренцо действительно решил действовать сам, без привлечения совершенного ума своего столь несовершенного физически кузена?

– Один намек, сомнение, даже тень сомнения, и Илеханд с Суридой разорвут нас в клочья. Я не готов к войне... – Лоренцо помедлил, – дорогой брат. – А вот это прозвучало ядовито.

Леонардо обвел взглядом похожую на склеп комнату, аккуратно поставил свой целый пустой бокал на пол и вытянул вперед левую ногу. Без сомнения, Лоренцо мог наломать дров с таким подходом к проблеме, но пока не наломал. Придется как можно скорее вычислить этого неизвестного шантажиста. Если герцог и был не прочь, чтобы корона Тусара в результате досталась его сыну Лючано, который точно был его сыном, то войны с Суридой или Илехандом он не желал.

– Покажи мне все письма, которые ты не уничтожил. И срочно напиши Джордано, чтобы он возвращался в Тусар. Я вызову Лючано и Албертину.

– Я сохранил все, – кивнул Лоренцо. – Утром я принесу их в твои комнаты. Хватит уже потешать дух моего отца.

Леонардо был с ним согласен. Будь его воля, он бы вообще предал все, что связано с покойным коронованным мерзавцем, огню. А пепел бы развеял среди болот.

Герцогство Поляна, Илеханд

– Вот и молоко, и булочки. Приятного аппетита, дорогой. – Перед Лючано появился громадный поднос с не менее громадными порциями завтрака. Паштет из гусиной печени, сосиски, красная капуста, вареные всмятку яйца, мармелад и булочки с семенами аниса. И, конечно же, продукт знаменитых пестрых полянских коров во всех видах. Лючано вздохнул, натянуто улыбнулся хлопочущей тетушке, герцогине Герлинде, и взял первую щедро намазанную маслом булочку. За всю свою жизнь тусарский герцог не объедался так, как в Илеханде. Его обычный завтрак состоял из чашечки кофе и пирожного, обычно песочной корзиночки или заварного, или хрустящей сладкой трубочки. При илехандском дворе от переедания спасало платье с корсетом. Хотя и там болтливые и охочие до жареных колбасок и ветчины фрейлины пытались закормить иностранную герцогиню. В Поляне же несчастного Лючано, вернувшего свое истинное обличье, уже ничего не могло спасти.

Герцогиня Герлинда, жена дяди Фердинанда, лично заботилась о питании и процветании своего многочисленного семейства и считала своим долгом присмотреть и за гостившим родственником, и за тусарским принцем. Каждое утро Лючано и Джордано мужественно набивали еще не проснувшиеся с утра желудки паштетами, маслом и молоком. Впрочем, хитрый принц быстро взял привычку вставать рано и сбегать на конную прогулку, и Лючано приходилось брать удар на себя.

Героически расправившись с завтраком и залпом допив молоко, тусарский герцог с трудом смог сдвинуться с места и заставить себя выйти из замка, чтобы встретить Джордано. Проклятые бумаги постоянно жгли память, и Лючано решился рассказать о них кузену. Но на конюшнях он нашел только свою мать, которая сражалась с седлом не менее доблестно, чем он некоторое время назад с завтраком.

– Ты почему такой бледный? Плохо себя чувствуешь? – осведомилась она, внимательно оглядев Лючано.

– Это все паштет из печенки гуся, – мрачно заявил Лючано. – Я просил тебя поговорить с герцогиней Герлиндой.

– Перестань. Тебе полезно время от времени хорошо питаться. Я за долгие годы так и не смогла привыкнуть к тусарской пище. Это хорошо для больного, дышащего на погребальный фонарь, но не для молодого растущего организма.

Лючано еле удержался от уточнения, кого именно мама назвала «растущим организмом», сына или себя. В свои сорок с хвостиком лет герцогиня Албертина выглядела гораздо здоровее и крепче большинства ровесниц Лючано.

– Позови конюхов. Они быстро разберутся с этим седлом. Ты не видела Джордано?

– Сама справлюсь, здесь просто ремень подпруги заел, – возразила мать. – А принц давно ускакал. Хочешь, оседлаем тебе лошадь, и ты догонишь его?

Лючано подумал, прислушался к своему желудку и отрицательно покачал головой.

– Возможно, часа через два я буду в состоянии сесть на коня, но Джордано уже вернется. Мать поджала губы.

– Ты тоже удался в эту хилую породу, – сказала она. – Брат считал, что я сомневалась насчет брака с Леонардо потому, что тот хромым, но он ошибался. Я боялась первого же порыва ветра у храма, который унесет моего жениха в поля или море.

– Фердинанд долго будет в столице? – спросил Лючано.

Мать, похоже, удивилась резкой смене темы разговора, но виду не подала. Вероятно, она посчитала, что несколько обидела сына, нелестно отозвавшись о его родственниках по отцу. Хотя стесняться в выражениях мама переставала только на официальных приемах в своем замке или во дворце. Здесь же, в родной Поляне, она из смиренной хозяйки Синих Камней, герцогини, почтенной и верной жены и матери, превращалась в молодую пышку Албертину, беспечную и своенравную, как ее вечно рассыпающиеся по плечам светло-русые кудряшки.

– Скорее всего, брат останется до коронации, – ответила мать на последний вопрос.

– А ты, мама?

– А я пробуду в Поляне до гневного письма твоего отца. – Она взгромодила седло на спину выбранной лошади. – Когда он соизволит оторваться от книг и дворца.

Лючано в детстве мало видел отца, поскольку тот предпочитал жить в столице. В Синие Камни герцог Леонардо заезжал редко, и те дни были для обитателей замка и для маленького герцога настоящим праздником. Лючано помнил, как он, уставший от беготни и множества впечатлений, засыпал в детской под мерцание свечей. Отец полулежал в удобном большом кресле, как всегда, вытянув левую ногу, а мать сидела у него на коленях, и его голова покоилась на ее груди.

– Ты скучаешь по нему? – внезапно спросил Лючано.

Мать уставилась на него, и пришлось смягчить столь откровенный и неожиданный вопрос легкой улыбкой.

– Он всегда был слишком умен для меня, – сощурилась мать. – Но если тебе действительно интересно, то да, скучаю. Наш брак неожиданно оказался удачным, чтобы там кто ни говорил. Королю Лоренцо и твоему деду повезло меньше.

Лючано вздрогнул, вспомнив о бумагах, тщательно спрятанных в его комнате. Что могла знать мать о давно забытых тайнах? Или ему теперь во всех невинных фразах будут чудиться определенные намеки?

– Почему отец прятал тебя в Синих Камнях? – вырвался следующий вопрос. Почти против воли, словно все недобрые духи мира разом потянули его за язык.

Мать уже победила седло и сосредоточенно затягивала подпругу. Она молчала, и каждая минута ее размышлений наводила Лючано на совершенно ужасающие и невероятные подозрения. Может, это виновата гусиная печенка? Как хорошо, когда неприятности связаны только лишь с жирным завтраком, а не с дурно пахнущей тайной, о которой и сказать-то боишься.

– Леонардо никогда не настаивал, он попросил, – повернулась к нему мать, откидывая со лба непокорную вьющуюся прядку. – А я не стала спорить, поскольку жизнь в столице и при дворе это точно не для меня. Я посчитала, что у него напряженные отношения с родственниками, и причиной тому могли служить или хромота Леонардо, или неприятный характер короля Армандо. А ты хочешь мне сообщить что-то новое? – Мать приподняла бровь и вдруг стала удивительно похожа на уже покойную королеву Фредерику, какой ее видел Лючано во время своего пребывания при илехандском дворе. Возможно, дело было в тяжелой челюсти, унаследованной от коронованных предков и герцогиней Албертиной, и ее братом герцогом Фердинандом.

– Нет, ничего. Мне просто стало интересно. Прости, если затронул неприятную тебе тему.

Лючано миролюбиво развел руками и обезоруживающе улыбнулся. Мать еще раз повела бровями, подхватила коня под уздцы и медленно вывела его из конюшни. А бестолковый сын мысленно наградил себя подзатыльником и пошел в свои комнаты, чтобы в который раз заглянуть в эти проклятые Богом бумаги.

Решение рассказать о них принцу исчезло после разговора с матерью, как и хорошее настроение. Лючано снова представил себе растерянность и ужас на лице Джордано и не смог заставить себя так жестоко поступить с кузеном. И одновременно терзался угрызениями совести, ругая себя за молчание.

Окрестности Столичного тракта, Илеханд

Зигфрид спрыгнул на палубу фелуки и успокаивающим жестом остановил кинувшегося к нему человека.

– Монсеньор, что случилось? – Капитан Лейтнер с удивлением смотрел на темный борт большого корабля, почти подпиравшего борт фелуки. В сумерках носовая фигура выглядела огромной и жуткой.

– Чуть позже, Райнер. Здесь все в порядке?

– Да, монсеньор. Ее высочество у себя, а Феликс с обеда играет в триктрак с вашей кухонной-магом. Ничего подозрительного за эти дни я не заметил. Манфред присылал весть, что в замке тоже все спокойно.

Зигфрид, не скрываясь, облегченно выдохнул, снял шляпу и пригладил волосы.

– Я переговорю с принцессой и вместе с ней пересяду на «Злую скумбрию». А вы и Феликс отправитесь по моим поручениям. Будьте наготове.

Уходя к каютам, Зигфрид услышал, как капитан Лейтнер тихо присвистнул. Теперь оставалось еще удивить Вильгельмину и, что самое важное, убедить. И если с первым Зигфрид справится блестяще, то над вторым придется поработать.

Из приоткрытой двери на палубу падал мягкий свет. Похоже, зажгли все лампы, которые нашлись на корабле. Что там говорил Райнер – в триктрак играют? Зигфрид осторожно подошел к двери и прислушался.

– И вот советник поднимает бокал и говорит: «Я желаю вам крепкого здоровья, и прожить до ста пяти лет». А Магистр ему и отвечает: «Не стоит ограничивать и наши достижения, и волю Бога». Ваш ход.

– Весельчак. И сколько он прожил? – раздался голос кухни Ильзы и вслед за тем стук костей, брошенных на стол.

Действительно играют. Да так, что не заметили подошедший вплотную корабль. Впрочем, у Феликса свои методы охраны территории. И если бы он почуял угрозу, то не сидел бы сейчас в уютной каюте.

– И до девяноста пяти не дотянул. У вас дубль. Видимо, пожелание не было учтено. – Феликс кашлянул.

– Магистр Андреас тоже любил праздники. И никогда не оставлял меня без подарка, особенно когда я была маленькой. – Снова стук брошенных костей.

– Извините, не хотел вас огорчать. Мне не следовало говорить о своих подозрениях. Без доказательств это все пустой звук. У вас три-четыре.

Феликс извиняется да еще таким миролюбивым тоном? За несколько дней девушка настолько очаровала циничного и сварливого толстяка? Заинтригованный Зигфрид подошел ближе.

– Если Дитер виноват в смерти Магистра Андреаса, то ему же хуже. Я сделаю все от меня зависящее, чтобы он ответил за это. Шашка не идет.

– Вы меня почти загнали в угол. Так. И что вы собираетесь предпринять?

Снова стук брошенных костей и вздох.

– Мой дубль. – Голос Ильзы. – Я возвращаюсь в Башню, если, конечно, Зигфрид меня отпустит. Я хочу домой. Я устала бегать, и, честно говоря, уже не понимаю, зачем я это делаю.

– Шесть-пять. Вы просто были расстроены, когда покидали Башню. Но со временем все проходит.

– Из относительных понятий время – самое относительное. Однако если его перестать измерять, оно становится абсолютным. Не поверите, так любил рассуждать Дитер. У вас дубль.

– Судьба сегодня не только к вам благосклонна, – ехидно заметил Феликс. – А вы не думали над тем, чтобы попытаться счастья при дворе? Ведь по рождению ваш дом там.

– Я не верю ни в судьбу, ни в предназначение. Знаете... – звук костей, – я хочу прожить жизнь, как мне нравится, и заниматься тем, чем я хочу, а не тем, чем от меня ждут. Это мой выбор, и я не вижу причины, по которой мне следует отказываться от него.

Феликс что-то ответил, но Зигфрид уже не слышал его. Он тихо отошел от теплой полоски света и прислонился к какому-то ящичку. Его молодая кухня была мудра не по годам, и явно с характером, и она точно знала, чего хочет. Даже немного жаль, что воскресший братец свел на нет ее возможность стать королевой. Зигфрид поневоле задумался о своих желаниях. Рожденный в герцогской семье с большим политическим и финансовым весом вторым сыном он с юности готов был принять то, что приготовил ему отец. А именно – брак с кронпринцессой и трон в определенном будущем. Почему же Зигфрид никогда не сомневался в планах отца, как его брат Конрад? Только ли потому, что был таким уж «самым послушным сыном», как любил язвительно называть его брат?

Зигфрид на мгновение с силой зажмурился и помотал головой. Он любил распоряжаться людьми, деньгами, распутывать хитросплетения близких и дальних интриг, предугадывать

ходы и мысли противника. Попросту говоря, ему действительно нравилась власть и то бремя, которое она возлагает на человека. Отец не ошибся в своем младшем сыне. Но Зигфрида больше впечатлило не это, а другое неожиданное открытие. Он, выросший в тени старшего брата, всегда считавший себя не сильно достойным похвал отца, мучавшийся от неразделенной любви к женщине, предпочитающей его старшего брата, оказался невероятным счастливым человеком и любимцем судьбы. Он хотел быть тем, кем был по рождению, и любил заниматься тем, чем занимался всю жизнь. Его никогда не толкали в спину, вынуждая играть чужую роль и быть другим человеком. А со слов кузины Ильзы выходило, что такое встречается редко. И, возможно, именно чувство неуверенности в себе, ощущение себя не на своем месте изводило Конрада и привело к тому, что он ввязался в чужую интригу. Или же построил свою, желая убедить самого себя в правильности своего выбора.

Зигфрид выпрямился, провел руками по лицу, стирая следы эмоций, и без колебаний направился в каюту Вильгельмины.

Принцесса сидела на узкой кровати, выпрямив спину и сцепив лежащие на коленях руки, как будто ждала посетителя. Волосы в беспорядке рассыпались по плечам, лицо бледное, губы почти бескровные, но упрямо сжатые.

– Добрый вечер, ваше высочество. – Зигфрид закрыл дверь и остановился.

– Герцог Зигфрид, добрый вечер. – Вильгельмина вскинула голову и пристально на него посмотрела. – Хорошо, что вы вернулись, нам надо поговорить. У меня есть к вам серьезное предложение, и мне бы очень хотелось, чтобы вы обдумали его и приняли решение, как можно скорее. Я хочу выйти за вас замуж.

Так дерзко инициативу у Зигфрида не перехватывал никто. Сохранить на лице невозмутимое выражение помог полумрак, царивший в каюте. Принцесса зажгла всего три свечи. Сколько же времени она просидела неподвижно, почти в темноте?

Зигфрид всю дорогу от столицы думал над предложением, которое собирался сделать принцессе. Он просчитал в уме тысячи аргументов и вариантов ведения разговора с тем, чтобы убедить Вильгельмину выйти за него замуж. При самом плохом раскладе он был готов шантажировать ее смертью от руки неизвестных заговорщиков. Но временно опальная наследница престола преподнесла ему сюрприз.

– Я не стану отнимать у вас время, – сказал Зигфрид, кидая шляпу на стул и подходя к тревожно следящей за ним Вильгельмине. – Ваше предложение разумно. Я согласен.

Он чуть наклонился, и принцесса, с небольшим запозданием, протянула руку для поцелуя. От ее кожи пахло морем и мылом, а пальцы были в пятнах от чернил.

Зигфрид присел рядом с ней, не выпуская ладони.

– Вы писали?

– Письмо маме. – Она с вызовом посмотрела ему прямо в глаза, и Зигфрид вздрогнул. Ему показалось, что он смотрит в глаза Кьяры, два озера цвета раухтопаза с золотистыми искорками внутри.

– Вы удивлены, герцог? – грустно улыбнулась принцесса. – Ветер унес мое письмо в море.

– Я понимаю, – с трудом отводя глаза, произнес Зигфрид, нещадно ругая себя за излишнюю эмоциональность, настигшую его так внезапно. Хотя удивляться здесь было нечему – последние события кого угодно бы выбили из колеи. Он заметил, что все еще сжимает в руке ее ладонь и отпустил ее.

– Что вы намерены делать дальше, герцог?

– Пересесть на другой корабль вместе с вами, кузина. Впрочем, теперь мне стоит называть вас по-другому.

– Да, наверное. – Вильгельмина заметно смутилась. – Я думаю... думаю, мы можем обращаться друг к другу по имени. В конце концов, я нахожусь в месте, не самом подходящем для церемоний.

– Это ненадолго, – заверил ее Зигфрид. – Можете мне поверить, вы вернетесь во дворец и займете свой трон.

– Я на это очень рассчитываю. – Вильгельмина снова подняла на него глаза, и Зигфрид не смог отвести взгляд. – Когда мы отправляемся?

– Прямо сейчас. Вы собирайтесь, а я поговорю с Феликсом.

За сегодняшний день Ильза успела проиграть Феликсу пять раз и обыграть его три. Они собирались начать новую партию, когда снаружи, за приоткрытой дверью каюты, раздался звук шагов.

– Монсеньор, – сказал маг, и Ильзе оставалось только поразиться его догадливости.

– Жаль прерывать ваше приятное времяпрепровождение, но мы отплываем, – сказал Зигфрид Корф, осматривая столик с доской для триктрака. – Завтра вы должны быть в Морской Длани.

– Добрый вечер, монсеньор, – поздоровался Феликс.

Ильзе показалось, что Зигфрид задумался.

– Наверное, я могу назвать его добрым, несмотря на то что творится во дворце.

Феликс пожевал губами и посмотрел на Ильзу.

– Вы меня опять свяжете? – ровным тоном осведомилась она и принялась аккуратно собирать игру.

– Мне не хотелось бы этого делать, кузина, – чуть улыбнулся ей Зигфрид. – Тем более, если это разрывает сердце моего доброго Феликса.

Маг издал какой-то непонятный булькающий звук, а Ильза нахмурилась, стараясь понять, шутка ли это, и насколько серьезно настроен Зигфрид. Феликс утверждал, что не стоит тратить время на такое бесполезное занятие, как попытки угадать состояние и настроение Зигфрида Корфа. Ильза вздохнула и протянула вперед руки, стараясь выглядеть так же невозмутимо, как и ее недавно обретенный кузен.

– Монсеньор? – спросил Феликс, глядя на него.

Зигфрид долго смотрел на Ильзу, после чего взял ее за руки, отвел в угол и усадил на низкую кровать.

– При первой попытке сплести заклинание Феликс вас обездвижит, – коротко сказал он и повернулся к несколько сбитому с толку магу.

– Подождите, вам надо кое-что знать, кузен, – спохватилась Ильза. – Ваш брат жив. Он не утонул.

– Спасибо. Мне посчастливилось убедиться в этом воочию. – Зигфрид даже не посмотрел на нее. Похоже, новость для него не была не только неожиданной, но и приятной.

Они с Феликсом разговаривали недолго. И Ильза из всех сил пыталась понять, о чем, но это удавалось ей с большим трудом. Она не знала людей, которых упоминал Зигфрид, и обстоятельств, предшествовавших событиям во дворце. Хотя это было немного обидно, поскольку все эти герцоги, выступавшие на Большом дворянском собрании, были ее родственниками. Ильза зацепилась за имя Конрад и попыталась разобраться с этой частью разговора. Вот, значит, как звали ее недолгого любовника, пациента и очередного кузена. Теперь придется смириться с тем, что кузены и кузины будут вырастать, как грибы после дождя. Особенно, если кронпринцесса, занимающая соседнюю каюту, соизволит признать мага Ильзу своей сестрой. Хотя нет, не Ильзу, Генриетту. Именно это имя было дано ей при рождении, по крайней мере, так утверждала огнеглазая змея в ее снах. Ильза теперь часто произносила его или про себя, или шепотом, или вслух, если рядом никого не было. Еще чаще, засыпая, она надеялась встретить змею и спросить о других своих сестрах. Ведь если жива Ильза, то, вероятно, и они спаслись в ту страшную ночь восемнадцать лет назад. Но то ли она была сильно озабочена своими планами на дальнейшую жизнь, то ли много размышляла о Магистре Андреасе и Дитере –

змея-проводник ни разу не посетила ее во сне, пока Ильза пребывала на фелуке. Можно было посоветоваться с Феликсом, но она пока не решалась. К тому же толстый маг был специалистом Четвертой Башни, а здесь следовало обращаться в Третью.

Ильза поняла, что отвлеклась, и снова стала прислушиваться к разговору Зигфрида и Феликса. Итак, Конрад выжил. Очевидно, его вынесло на берег, а из-за травмы головы он частично потерял память. Когда же она стала возвращаться, Конрад покинул таверну и Ильзу и отправился... Зигфрид сам не знал, что делал его брат целый год. Так, оказывается, он женат, причем тайно, и недавно у него родился ребенок. Конрад неожиданно появился во дворце, тем самым нарушив планы своего брата и поставив в тупик всех присутствующих. Мало того, Зигфрид был уверен, что Конрад стоял за заговором против принцессы. С этим Ильза худо-бедно разобралась. Осталось понять, каково же теперь ее место в планах кузена. На фелуке сидели две принцессы – одна законная наследница трона, а статус второй еще следовало определить и доказать. В таком случае, Ильзе не грозил брак с Зигфридом, ему выгоднее и проще жениться на Вильгельмине. Ильза сощурилась и внимательно оглядела кузена с ног до головы. Несмотря на помятый и несвежий костюм серо-голубого цвета, который, вероятно, не было возможности сменить от самой столицы, Зигфрид выглядел неплохо. А почти постоянное отсутствие выражения на лице и скупые жесты добавляли ему определенной загадочности.

– Кузина? – услышала она голос Зигфрида – Вы увидели духа, или это моя персона вам настолько интересна?

Он и Феликс уже закончили свой разговор, а Ильза не заметила и, мало того, довольно невежливо уставилась на Зигфрида. Наверное, от злости на себя она покраснела, потому что кузен внезапно рассмеялся, а Феликс улыбнулся. Проклятая тонкая светлая кожа, выдает все чувства. И как только Зигфрид умудряется так контролировать свое лицо?

– Я задумалась, – недовольно буркнула Ильза.

– Это полезное занятие. – Зигфрид уже шел к двери. – Оставляю вас с Феликсом, до порта плыть недалеко. – Дверь скрипнула и захлопнулась.

Ильза кисло посмотрела на мага.

– Я его забавляю? Я так смешно выгляжу?

Феликс присел на стул и привычно сложил руки на животе.

– Вряд ли. Скорее, он доволен, что все идет относительно хорошо, – сказал он и пошевелил пальцами. – Но, заметьте, это только мои наблюдения и мнение.

– Очень обнадеживает, – вздохнула Ильза. – Как вы считаете, он позволит мне поговорить с принцессой?

– А вы хотите?

– Да... не знаю. – Ильза замолчала, запутавшись в собственных чувствах. – Точнее, я не знаю, что я ей скажу. Но у меня никогда не было семьи, и мне хотелось бы ощутить, что это такое – говорить с родным человеком.

– С монсеньором вы уже поговорили, – с ехидцей произнес Феликс.

Ильза сердито тряхнула волосами. Этим вечером все словно договорились потешаться над ней. Однако нельзя было не признать, что Зигфрид неплохо к ней отнесся, пусть даже и приказывал присматривать за ней и связывать, а Феликс, на ее взгляд, даже немного привязался. Ильзе он тоже нравился, ей даже стало казаться, что Магистр Андреас не умирал, а просто потолстел и стал более вредным. Когда ей снова разрешат плести заклинания, у Феликса надо будет взять пару уроков боевой магии. Они могут пригодиться если не при встрече с Дитером, то при дальнейшем проживании с ним в одной Башне точно.

– Мы вместе отправимся в Морскую Длань, а потом вы сможете вернуться в Башню, – сказал Феликс.

Ильза вскинула голову и удивленно посмотрела на него.

– Вы действительно увидели духа, если прослушали наш разговор, – улыбнулся Феликс. – Монсеньор вас отпускает.

– О, – только и смогла вымолвить Ильза. Так часто бывает – стараешься, а потом отвлекаешься на мгновение, и все, самое нужное прошло мимо ушей. – Значит, я ему больше не нужна?

– Вы непоследовательны, дитя мое, – всплеснул толстыми ладошками Феликс. – Или вы огорчаетесь плену, или тому, что вас освободили.

– Простите, – снова покраснела Ильза. – Я не ожидала. Даже не поблагодарила. Наверное, Зигфрид счел меня невоспитанной особой.

Феликс только фыркнул.

Глава 2

Королевский дворец, столица, Илеханд

– Ваше сиятельство. – Иоганна присела в почтительном реверансе, и ее блестящие черные локоны рассыпались по плечам и спине. – Прошу прощения, вы не встречали сегодня моего мужа?

– Нет. Спросите у гвардейцев, – откашлялась Ингрид и, кивнув, проскользнула мимо, стараясь не идти слишком быстро.

Она ничего не могла с собой поделать – ее бесконечно раздражала Иоганна. Эти большие влажные голубые глаза, роскошные волосы, мягкий и нежный голосок. Возможно, дело было не в самой Иоганне, а в ее деде-бароне и прабабке Оттилии, которые заставили Ингрид пережить ужасное чувство беспомощности на Большом дворянском собрании. И если барон Зингер почти сразу же скрылся в особняке своей тещи, то Иоганна и Конрад Корф остались во дворце. А если не вернется кронпринцесса Вильгельмина, то они поселятся здесь навсегда. Ингрид же в любом случае предстояло наконец-то сложить полномочия и взять отпуск. А затем уехать или к сестре, или в свой замок, или посмотреть на замок Рудольфа. В любом случае, жизнь без висящего над головой призрака королевского венца и связанных с ним тревог и волнений не может быть плохой. Но возможный младенец, взошедший на трон, с регентством старой Оттилии, не давал покоя Ингрид, как и любому разумному подданному королевства. Герцогиня Жабьего Пруда в любой момент может рассыпаться в прах, и тогда герцоги вцепятся друг другу в глотки уже за регентскую корону. Причем Ингрид здесь не могла поставить на Конрада или его жену ни глоточка самого дешевого вина.

Интуиция Ингрид подсказывала, что скорее герцогиня Бертильда бросит пить и играть, чем эти двое смогут править государством. И вообще было в «покойном герцоге» Конраде что-то странное, что беспокоило Ингрид. Хотя бы то, что он скрывался целый год и непонятно чего выжидал. Или его ненавязчивое уклонение от общения с женой, столь счастливо обретенной. Как бы Ингрид не жаждала передать свои тяжелые обязанности и уйти в отпуск, в первую очередь она должна позаботиться о том, чтобы эти обязанности попали в надежные для государства руки. Ингрид вздохнула и переключила свое внимание на текущие дела.

Лейтенант Мартин обнаружился в малой гвардейской столовой. Ингрид жестом усадила почтительно вставших при ее появлении людей и присела к лейб-гвардейцу. Тот отложил столовые приборы, неловко вытер губы салфеткой и уставился на Ингрид. Их тут же легким ветерком окружил шепоток, который, несомненно, только пойдет на пользу отмеченному самим генералом-регентом лейб-гвардейцу.

– Генерал-регент.

– Приятного аппетита, лейтенант Фойгт. Не стесняйтесь, продолжайте обедать, и заодно доложите о своем задании.

Лейтенант кивнул и несмело взял ложку.

– Я все проверил, княгиня, – тихо начал он. – Тех двоих человек, про которых вы говорили, там нет. Я спрашивал хозяина, но толку немного. Утверждает, что съехали давно, а куда – ему неизвестно.

– Думаете, правда?

– Конечно, нет, княгиня, я не поверил ему. Это тот еще жук. На его заведение частенько жалобы поступают. Двое ребят понаблюдали пару дней за этим «Сытым волком», но никого нужного не обнаружили.

– Понятно. – Ингрид побарабанила пальцами по столу. – Этот след мы, похоже, потеряли.

– Я бы сказал, это неудивительно, княгиня, – задумчиво сообщил лейтенант Мартин, дожевывая капусту. – После побега из тюрьмы самое главное убраться подальше.

Ингрид кивнула и поднялась.

– Продолжайте наблюдение еще два дня. Не исключено, что убежал он недалеко. – Она уже отвернулась, чтобы уйти, но вспомнила об Иоганне. – Лейтенант, вы, случайно не видели герцога Конрада?

Бравая физиономия лейб-гвардейца немедленно скисла. Похоже, напоминание о доблестном муже фрейлины Иоганны было ему неприятно. Он умолчал о его воскрешении и продолжал корить себя за это, несмотря на угрозу быть повешенным на перевязи.

– Говорили, он вроде прошел в придворный храм, княгиня.

Молодой жене в последнюю очередь придет в голову искать своего мужа в храме. Что, интересно, Конрад там делает, неужели грехи замаливает? У Ингрид была встреча с Рудольфом, но зайти в придворный храм и убедиться, что Конрад занят общением с Хором, а не с тайными заговорщиками, было не лишним.

«Покойный герцог» сидел на скамье, опустив голову, и не обернулся на тихие шаги Ингрид. Она медленно прошлась по храму, обходя каждую колонну и арку, постояла у алтаря, созерцая большое раскидистое дерево, вырезанное в камне, и чинно наклонила голову, когда из-за портьеры выглянул старый священник. Конрад поднял взгляд, вежливо улыбнулся и снова погрузился в свои размышления.

– Скажи, почтенный отец, он часто сюда приходит? – шепотом спросила Ингрид.

– Да, – кивнул тот. – Как приехал, так, бывает, что и по нескольку раз в день. И всегда один. Думаю, что-то гнетет его.

– Будем надеяться, что ничего серьезного.

– Будем. Процветание и мир тебе, – прошептал ей в напутствие священник.

Рудольф ждал Ингрид в саду в самой дальней беседке, скрытой от случайных глаз. После Большого дворянского собрания они решили не разговаривать внутри дворца. Одно дуновение слуха о пропавшей кронпринцессе Вильгельмине может испортить все договоренности.

Рудольф улыбнулся и, чуть помедлив, заключил Ингрид в объятия и обжег ей губы долгим поцелуем. С трудом оторвавшись от него, она опустила голову на его плечо и вздохнула:

– И почему нам не хватает времени на себя?

– По странному совпадению, государство в нас обоих заняло первое место, – ответил Рудольф, с неохотой отпуская ее. – Давай присядем.

Слушая пение птиц, жужжание насекомых и далекую переключку гвардейцев Ингрид поведала о результатах разведки лейтенанта Мартина и странном поведении Конрада.

– С побегом из тюрьмы поработал маг, – уверенно произнес Рудольф. – Вина стражи в том, что они позволили ему туда пробраться.

– Мне не нравится этот постоянно всплывающий магический след, – проворчала Ингрид. – И я очень надеюсь, что из тюрьмы сбежал не наш неуловимый заговорщик.

– Я допросил капитана охотничьего замка, – сообщил Рудольф, подбирая с пола беседки небольшой отшлифованный камешек и подбрасывая его в руке. – Не хочу тебя огорчать, но на месте засады на генералиссимуса и принцессу тоже присутствует магический след. Отряд состоял из семи человек, включая принцессу. Беглый осмотр места происшествия показал, что из пистолета застрелены двое. Когда мои люди хорошо поработают и вернуться с подробным отчетом, мы узнаем больше. Капитан утверждает, что конь Вильгельмины целым и невредимым вернулся в конюшни, но следов самой принцессы они не нашли. Я все больше убеждаюсь, что она жива.

– Я тоже так считаю, – отозвалась Ингрид, обмахиваясь шляпой. – Не вижу смысла увозить ее куда-то далеко, чтобы там расправиться с ней. На месте Конрада я бы спрятала ее в замке барона Зингера, а на месте Зигфрида в каком-нибудь крупном порту.

– А на месте Оттилии в ближайшем склепе, – улыбнулся Рудольф и, развернувшись, аккуратно положил камешек в большой цветочный горшок с крупными орхидеями. – В нашем «покойном герцоге» меня беспокоит не только то, что он может оказаться заговорщиком. Я не могу понять этого человека.

– Я тоже, – буркнула Ингрид и с досадой бросила шляпу на скамью напротив. – Герцогиня Оттилия обсуждала с ним процесс официального «воскрешения», но Конрад пока не занялся этим. Как будто ему не нужен ни герцогский титул, ни Морская Длань.

Теплая рука Рудольфа накрыла ладонь Ингрид.

– Но своего брата от трона оттащил, – заметил он.

– И еще раньше убил своего же человека только потому, что тот узнал его, – возразила Ингрид, сжимая в ответ ладонь Рудольфа. – Я почти уверена, что он не желал воскресать, и сделал это под давлением или герцогини Оттилии, или этого барона, чтоб он провалился.

– И чем они могли надавить? – задумчиво спросил Рудольф.

Ингрид красноречиво пожала плечами.

– Хорошо, я присмотрюсь к барону Зингеру. Посмотрим, откуда выпрыгнул наш герцогский зять и так ли он бестолков и безобиден, как выглядит.

– То есть Оттилию ты всерьез не воспринимаешь?

– Она может умереть в любой момент, – озвучил Рудольф недавние мысли самой Ингрид.

Яркое теплое солнышко заволокло пышными кучевыми облаками, предвещая еще один дождливый вечер.

Ингрид осмотрелась по сторонам, обняла Рудольфа за талию и прижалась щекой к его плечу.

– Король Тусара еще не писал? – его руки приятно гладили ее спину, дразняще касались шеи.

– И если Хор будет милостив, не напишет еще долгое время, – покачала головой Ингрид, прикрыв от удовольствия глаза. – Герцог Фердинанд заверил меня, что принц Джордано при его отъезде на собрание все еще гостил в Поляне. Мне и так пришлось написать эмире Гюльбахар, что ее сына уже нет при нашем дворе. Не хватало еще сообщать королю Лоренцо про кронпринцессу.

Руки, глядящие ее, остановились. Рудольф мягко отстранил Ингрид от себя и, держа за плечи, внимательно посмотрел на нее.

– Когда все закончится, и если мы останемся живы и свободны, ты выйдешь за меня замуж?

Ингрид, мысли которой находились во власти тусарского короля, принца и пропавшей кронпринцессы, не сразу поняла, о чем ее спрашивают. А когда поняла, то неожиданно для себя настолько смутилась, что смогла только вдохнуть и забыть выдохнуть.

– Не знаю, как осчастливить, но удивить тебя мне удалось, – улыбнулся Рудольф.

– Прости, Руди. Мне давно не делали предложение. – К своему ужасу Ингрид ощутила, как горят ее щеки. – Я согласна.

– Тебе нужна помолвка?

– Мне кажется, мы сможем без нее обойтись. К тому же устраивать праздник в нынешней ситуации будет не слишком вежливо с нашей стороны. – Ингрид прижала руки к лицу.

– Ты не покраснела, – сказал Рудольф.

Ингрид отдернула руки и с притворным негодованием посмотрела на него.

Дворец эмира, Сурида

Эсма эмирын веселилась в саду в компании своих служанок и двоюродной сестры, Нюлефер эмирын, прибывшей на днях из далекого вилайета Ешилчим, где жила со своей мате-

рю. Гюльбахар сразу заметила, что младшая эмирын сегодня на редкость жизнерадостна и оживлена. Она беззаботно щебетала с родственницей и служанками, чистящими им фрукты. Возможно, сказывалось влияние Нюлефер эмирын, о добром и веселом нраве которой было известно всем жителям Суриды.

Гюльбахар приблизилась к смеющейся компании и с улыбкой посмотрела на них.

– Присоединяйтесь к нам, эмира, – поманила ее рукой Нюлефер.

– Да, тетя, попробуйте эти апельсины, – закивала Эсма.

Шаллиах свидетель, сегодня творилось что-то невообразимое. Эсма не обратила внимания на попытку заговорить прежде нее. Несомненно, Нюлефер эмирын, незамужняя племянница эмира, не стояла по статусу ниже его же дочерей, однако сами дочери редко с кем-то считались, кроме себя.

– В честь чего этот маленький праздник? – поинтересовалась Гюльбахар, присаживаясь на подушки, и жестом показала своим служанкам подать напитки.

– Секретом это долго не будет, – хитро прищурилась Эсма. – Отец решил выдать меня замуж.

– Как интересно, – заметила Гюльбахар, прихлебывая из бокала. – И кто этот счастливец?

– Повелитель был невероятно щедр и позволил Эсме самой выбрать жениха, – широко заулыбалась Нюлефер. – Признаться, видя ее счастье, я и сама собралась подумать о замужестве. Если, конечно, смогу оставить бедную маму.

Гюльбахар в недоумении переводила взгляд с одной эмирын на другую. И с каждой секундой ей все меньше нравилась предстоящая новость. Радость Нюлефер была неподдельной. Племянница эмира, несмотря на отсутствие мужа и детей в свои тридцать лет, никогда не унывала, смотрела на жизнь с невероятным оптимизмом и ожидала от нее только хорошего. Постоянно большая капризная мать, требующая внимания и ухода, нисколько не омрачала ее существования. Своей доброй улыбкой, редко покидающей ее лицо, и лучистыми серыми глазами она напоминала Гюльбахар своего отца, покойного басэмирана Халита. И не только Гюльбахар. Когда во дворец приезжала Нюлефер эмирын, эмир Орхан редко покидал свои покои.

– Я выхожу замуж за Искандера хана эфенди, – сказала Эсма. – Он хоть и младший в семье, зато красив и обаятелен. Я уже говорила Нюлефер, что, похоже, влюбилась. – И она счастливо рассмеялась.

Искандер, младший сын Мустафы паши, племянник Нюлефер эмирын. Гюльбахар с трудом удержала в руке бокал, а на лице радостное выражение. Она чуть склонила голову.

– Поздравляю, Эсма. Очень милый юноша. Ты говорила с отцом о подготовке свадьбы?

Почему эмир умолчал об этом? Или решение было принято только сегодня или вчера вечером? Теперь стало понятно, почему Мустафа паша так тихо вел себя последнее время. Он сделал свою ставку, и она сыграла. Было ли это совпадением, или Первый визирь знал, на какую мозоль наступить эмиру? И этот Искандер, какова его роль в планах отца? Или он такая же жертва интриг, как и недалекая Эсма, всерьез считающая себя самой умной?

– Если вы желаете заняться свадьбой, тетя, то я не буду возражать. Отец просил назначить дату не раньше, чем через месяц, – продолжала щебетать эмирын. – Нюлефер, пока не уехала, тоже может помочь. Только не подпускайте близко мою сестру.

– Кстати, а где Джайлан? – поинтересовалась Гюльбахар, нарочито безразлично поедая гранат.

– Уехала в путешествие, – чуть скривилась Эсма. – Не вынесла очередного провала.

– Неужели старшие сыновья Мустафы паши не пришли ей по сердцу? – более язвительно, чем надо, спросила Гюльбахар. Как это Первый визирь смог упустить возможность поймать не одну эмирын, а целых двух, на всякий случай? Не будь Нюлефер слишком близкой родственницей, можно было бы и ее привлечь. И Мустафа паша был бы по уши в суридской династии. И у подножья вождя трона для одного из своих сыновей. Гюльбахар хотелось

перевернуть поднос и разорвать в клочья ткань шатра, но пришлось с неподдельным интересом слушать Эсму.

– Злобное и кислое лицо Джайлан мало кого может вдохновить на песни, стихи и предложение руки и сердца, – рассуждала Эсма. – Она уехала еще вчера утром. Сказала, что посетит несколько больших храмов Шаллиах и заедет в гости к Кадиру. Что ей еще остается?

– И кто же это не так давно говорил мне, что считает замужество глупым занятием? – засмеялась Гюльбахар, слыша свой голос как бы со стороны. – Не эта ли красота со счастливыми глазами?

– Вы только посмотрите на нее, – наклонила голову Ньюлефер. – Верно говорят, что красивый молодой человек способен растопить любое сердце.

Эсма счастливо и заливисто смеялась.

Гюльбахар пришла в себя только перед покоями эмира. Она внезапно успокоилась и поняла, что у нее пока нет слов, чтобы говорить со своим супругом. Возмущаться предстоящей свадьбой Эсмы и Искандера было поздно. Чтобы не подвигло Орхана на принятие этого решения, отменять его уже не имело смысла. Новый скандал во дворце никому не нужен. Пусть Мустафа паша радуется и демонстрирует совету свою волчью улыбку. Может, кому-нибудь захочется подпилить ему зубы.

Гюльбахар больше обеспокоила внезапная тяга Джайлан к храмам и вилайету Сэдыр. Эмира подозревала, что старшая эмирын заглядывается на Хенрика, но не была уверена, что ей не показалось. Еще дважды она видела Джайлан в саду или конюшне, когда там находился Хенрик. Но оба раза где-то рядом появлялся и Саид ага. Но если предположить, что Джайлан высмотрела или вызнала об отношениях своей тетушки-матушки с начальником ее стражи, заревновала и решила отомстить? Или же она уверилась в странностях, связанных с отсутствием Озана, и захотела расспросить Кадира? Или убедиться в том, что сын эмиры отсутствует в Сэдыре. Хуже всего было то, что и сама Гюльбахар окончательно потеряла своего сына. Из королевского дворца Илеханда пришло письмо, в котором ясно говорилось, что Кадира нет при тамошнем дворе. Значит, или он и Озан на пути в Суриду, и тогда Мустафу пашу ожидает неприятный сюрприз, или... В ее рассуждениях было слишком много «или». Перед глазами Гюльбахар запрыгали черные точки, в голове зашумело, а горло сдавила тошнота. Она сжала пальцами виски и пошатнулась.

– Эмира хазретлери эфенди, с вами все в порядке? Я отведу вас к лекарям?

– Н-нет. – Гюльбахар оперлась на руку служанки, шум в ушах прекратился. – Я просто долго сидела на солнце. – Она посмотрела на стражников у дверей покоев эмира. – Передайте повелителю, что я приходила.

Никакое солнце не сравнится с плохими новостями и неизвестностью. Пожалуй, стоит отдохнуть до вечера и приказать принести расслабляющего настоя и немного сладостей с кухни. А потом спокойно поговорить с эмиром об этой проклятой свадьбе и внезапном отъезде Джайлан.

Герцогство Синие Камни, Тусар

На Столичном тракте было пустынно и спокойно. В траве стрекотали насекомые, а за ближайшим деревом шуршало нечто более крупное, вероятно, грызун. Жаль, эта утренняя идиллия продлится недолго. По расчетам брата, построенных на сведениях разведчика, кортеж принца Джордано должен был появиться с минуты на минуту. Кадир проверил, как ходит в ножнах сабля, и покосился на всадника рядом с Озаном. Граф Марио Риччи, будь он неладен. Кадир был не в восторге ни от его плана, ни от его недомолвок и тайн, ни от него самого. С каким удовольствием он бы оглушил тусарца, связал его и в таком виде отправил бы королю

Тусара. Это в лучшем случае. Потаенным желанием Кадира был обезглавленный труп и неглубокая могила в лесу. Впрочем, хватило бы и глубокой канавы.

– Я буду держаться сзади, – тихо говорил тусарский граф Озану. – Постарайся никого не подпустить ко мне, иначе я не успею справиться с принцем.

– Я понял вас с первого раза, не глухой, – недовольно произнес брат. Его глаза были недобро сужены, губы надменно искривлены. Если сейчас не покажется тусарский принц, то бывший тусарский посол лишится половины зубов.

КаDIR отчасти понимал привязанность Озана к Фике, однако женщин у брата было немало. Почему он так завелся именно из-за этой девчонки? Неужели всерьез влюбился? Или ему снова захотелось приключений? КаDIR до последнего надеялся на проявление благоразумия своим братом и ждал возвращения в Суриду. А вместо этого они собирались напасть на тусарского принца. Мог ли граф Марио Риччи как-то повлиять на Озана? Но КаDIR слышал от Али паши, что подобные заклинания запрещены магам. Да и существуют ли они вообще?

КаDIR раздраженно выдохнул сквозь зубы. Придется смотреть и за графом, и за братом, и за тусарским принцем. Озан ничего не знал о бумагах, которые вез Джордано, а КаDIR знал, поскольку сам передал их принцу. И сильно подозревал, что граф Риччи задумал не схватить принца для допроса, а попросту убить его. А потом и своих сообщников, чтобы окончательно замести следы.

– Тише, – поднял руку Озан и привстал на стременах. – Едут. Четверо со мной, двое отрезают путь к отступлению.

Лошади беспокойно переступали копытами. КаDIR набрал в грудь воздуха и, чуть потянув за поводья, двинул лошадь вперед и остановил ее рядом с Озаном.

– Ты во всем уверен? Ты понимаешь, на что мы идем?

– Не уверен, – отозвался Озан, не глядя на Кадира. – Понимаю.

– Это тусарский принц, – прошипел КаDIR. – Брат мужа Нихан. Не съест же он Фике, в конце концов!

– Постарайся никого сильно не ранить, – быстро прошептал Озан.

Но удивиться КаDIR не успел, на дороге показались всадники. Принц ехал конь о конь с молодым дворянином, перед ними скакало четыре человека охраны, еще четверка замыкала шествие позади небольшой кареты.

– Начали! – скомандовал Озан, и Кадиру пришлось прищипорить лошадь, на ходу вынимая саблю. Проклятый граф остался позади. Вместе с воспоминаниями о Кьяре, которые КаDIR все утро упорно гнал из своей головы. Может, и граф кажется ему таким отвратительным только потому, что у него был роман с Кьярой? Был или есть? КаDIR выругал себя за несвоевременные мысли.

Командир тусарцев что-то крикнул и послал своего коня в галоп, желая встретить нападающих на полном скаку и подальше от принца. Трое всадников последовали за ним, принц и его спутник остались возле кареты, где их должны были защитить оставшиеся телохранители. Озан, скакавший впереди всех, рубанул командира тусарских гвардейцев, и в следующую секунду КаDIR схватился со своим противником. Разменяв первый мощный удар, оба осадили коней и принялись кружить друг возле друга, обмениваясь яростными ударами. В какой-то момент КаDIR заметил Марио, проскакавшего мимо него к принцу, но следить за ним не было никакой возможности.

Два головореза, посланных отрезать путь к отступлению, отвлекли на себя пару гвардейцев и герцога Лючано. Оставшиеся с принцем телохранители, увидев приближающегося всадника, поскакали навстречу, и оба схлопотали магический удар. Кажется, один из них очень неудачно упал с лошади, но для Марио это было сейчас не важно.

Принц Джордано пытался справиться с некстати заупрямившейся лошадей, та мотала головой и боком отступала к придорожным кустам. Как же удачно! Марио спешился, походя оглушил заклинанием возницу кареты, перепрыгнул через облучок и оказался рядом с его высочеством. Парализующее заклинание было предпоследней степени сложности, лишая жертву возможности даже кричать. Принц выронил шпагу из непослушных пальцев и мешком рухнул в распахнутые объятия мага. Освободившаяся от всадника лошадь взяла с места в карьер, едва не сбив Марио с ног. Граф постарался удобнее перехватить принца и высвободить правую руку для активации телепорта, но краем глаза заметил, что герцог Лючано предоставил суридских наемников гвардейцам и во весь опор мчится на выручку своему родичу и другу. Миг, и он осадил коня рядом с ними.

Марио невольно уронил тяжелое обмякшее тело и вынужден был попятиться от коня герцога. Лючано рубанул противника шпагой, и Марио, выругавшись, отскочил за кусты. Почти сразу за обочиной начинался крутой овраг, маг споткнулся, и чуть ли не кубарем скатился на дно. Едва он успел подняться, как увидел, что герцог Лючано не собирается оставлять его в покое. Этого еще не хватало! Юный сынок герцога Леонардо, очевидно, собирался скрестить с графом клинки. Но Марио даже в страшном сне не могло привидеться, что он покалечит, а тем паче убьет наследника Синих Камней. Герцог Леонардо достанет его и в мире духов, если, не дай Млет, такое случится!

Клинок Лючано свистнул в опасной близости от лица, но Марио не отшатнулся, а тут же сделал ответный выпад, остановив шпагу в паре сантиметров от груди юноши. Духи недобрые, что же делать? Лючано сбил его шпагу, кажется, не заметив, что противник не решился довести атаку до конца, и переместился на пару шагов в сторону. Снова его клинок наотмашь рубанул воздух возле головы графа, и на это раз Марио отклонился, нырнул под удар и постарался порезать руку противника. Молодой герцог отскочил и тут же перешел в контратаку. Марио не без труда отбил серию молниеносных выпадов. Лючано метался перед ним, как язык пламени: два шага влево, шаг вправо, удар из низкой стойки, отход и снова пара шагов в сторону. И кто его этому учил? Уж явно не хромой отец.

Марио понимал, что такой темп он выдержит недолго. Необходимо было срочно перехватывать инициативу и заканчивать. Граф пошел на сближение с серией простых выпадов, не давая герцогу разорвать дистанцию и сбивая его с шага. Понимая, что отступить все время не удастся, молодой человек попытался завязать шпагу графа, но тот пропустил его клинок вскользь мимо своего, и, оказавшись совсем рядом, длинным движением резанул Лючано левое плечо.

К несчастью, в этот момент герцог то ли слишком сильно присел, то ли споткнулся, и удар пришелся не в плечо, а в голову, глубоко разрезав плоть от уха почти до самого носа. Лючано коротко вскрикнул и упал.

Марио отскочил, со свистом втянув воздух через сжатые зубы, и едва не схватился за голову. Сын всемогущего Леонардо валялся перед ним на земле, закрывая окровавленное лицо руками. Марио оглянулся на крутой склон, скрывающий тело принца, валяющееся в придорожных кустах. Со дна оврага было не видно, что творится у дороги. К недобрым духам все это! Проклятый сегодня день!

Граф Риччи переложил шпагу в левую руку, и активировал телепорт. Внезапно юный герцог с безумными глазами на залитом кровью лице рванулся к нему и вцепился в маску. Марио почувствовал, как треснула ткань, и в тоже мгновение его закрутил уходящий в небытие смерч искаженного портала.

«Никого сильно не ранить». Легко сказать. Тусарец наотмашь рубанул тяжелым палашом, и Кадир всем телом откинулся на круп лошади, пропуская удар над собой. Это был опасный маневр, но слишком непривычный для кавалерийского гвардейца, поэтому он принес

успех. Остро отточенная сабля резанула снизу руку промахнувшегося, рассекая плоть. Тусарец вскрикнул, выронил оружие и послал коня прочь, выходя из боя.

У Кадира появилась возможность оглядеться. Графа Риччи не было видно. Двое телохранителей валялись на земле, мертвые или оглушенные. Озан отбивался сразу от двоих противников, поскольку один из суридцев неподвижно лежал под копытами. Кадир скрипнул зубами, мгновенно колебался, еще раз оглянулся на карету, за которой очевидно скрылся маг со своей добычей, и поспешил на помощь брату. Раз этот мерзавец до сих пор не убил принца, есть хорошие шансы, что не убьет и дальше. А вот если с Озаном случится непоправимое, Кадир никогда не сможет себя простить.

Тусарцы явно не зря проедали королевское жалование, и не дали заставить себя врасплох. Командир по-прежнему рубился с Озаном, а второй без лишних понуканий развернулся к подоспевшему Кадиру. Вновь завязался бой. Но этот кавалергард явно осторожничал, не давая себя втянуть в длительный обмен ударами, выжидая и маневрируя. Воспользовавшись моментом, когда во время очередного уклонения противник послал своего коня мимо, Кадир плашмя с силой хлестнул животное саблей по крупу. Конь, шараясь, всадник натянул поводья, сдерживая его, и тот вскинулся на дыбы. Кадир послал свою лошадь на него, и конь тусарца потерял равновесие и упал на бок, придавив своего наездника.

Теперь брат справится и без него. Кадир поскакал к карете, за которой скрылся проклятый граф. Однако там уже никого не было. Двое их людей, которых Озан послал в авангард, бились с двумя оставшимися охранниками принца. Ни его самого, ни мага, ни молодого дворянина нигде не было видно. Поняв, что окончательно потерял из вида и графа Риччи, и принца Джордано, Кадир решил заняться каретой, из которой за все время свалки так никто и не выскочил. Наверняка, она была пуста или занята вещами, но лишний раз убедиться в этом не помешает.

Кадир рывком открыл дверцу, подался вперед и замер – в его лоб уперлось холодное дуло пистолета.

– Повернись и иди назад, мальчик, и осторожнее, – приказал холодный женский голос. В поле зрения попали пышная грудь, затянутая в фиолетовый колет, низко надвинутая на лицо шляпа и русые кудри, выбивающиеся из-под нее.

Кадир, стараясь не делать резких движений, попятился из кареты. Его тут же схватили за плечо, и женщина ловко выпрыгнула вслед за ним. Пистолет теперь устроился у его виска. Боковым зрением Кадир видел, как тяжело вздымается затянутая в фиолетовое грудь и понимал, что ему сейчас даже дышать опасно.

– Всем стоять! – раздался громкий голос рядом с его ухом. – Ни с места, если не хотите увидеть его мозги!

«Злая скумбрия», открытое море

Лес был приятным разнообразием среди дворцовых комнат, храмов и палуб кораблей. Зигфрид с удивлением окинул взглядом окружающий его мирный ландшафт и огляделся в поисках проводника. Обычно она встречала гостя.

– Я здесь, – послышалось сзади шипение.

Знакомая змея висела на толстом суку раскидистого дерева, которого, Зигфрид был уверен, не было, когда он осматривался. Похоже, этот лес жил своей жизнью. Если вообще был лесом в привычном понимании этого слова.

– Здравствуй, – с улыбкой сказал Зигфрид, поняв, что действительно рад видеть потустороннее существо. Гораздо больше, чем какого-нибудь родственника.

– Подожди, мы не одни. – Змея соскользнула с дерева, подползла к небольшому пеньку и свернулась на нем, подняв голову в ожидании.

Зигфрид проследил за ее взглядом и заметил, как в траве внезапно появилась лежащая фигура, окутанная ярким золотисто-алым светом. Продолжая мерцать, она села и выпрямилась, потом встала на ноги, и Зигфрид с невероятным удивлением осознал, что узнает ее.

– Простите, а вы... – начала она.

– Кузина Ильза, – перебил ее Зигфрид – Что вы здесь делаете?

– Нет, это вы что тут делаете? – Она медленно обошла его, остановилась напротив и тоже уставилась на него с величайшим изумлением. – Поразительно. Неужели я так же выгляжу?

Зигфрид, в свою очередь, рассматривал фигуру девушки, окутанную сиянием, словно широким плащом. Черты ее лица и волосы выглядели четче, ярче, что, без сомнения, добавляло им красоты. Зигфрид опустил взгляд и попытался рассмотреть себя. Раньше в его странных снах ему и в голову не приходило узнать, на что он похож со стороны. Однако беглый осмотр показал, что его тело осталось совершенно обычным.

– Как «так»? – поинтересовался Зигфрид у Ильзы, забыв свое изумление, вызванное ее появлением.

– Вы светитесь, алым и ярко-синим, – ответила девушка. – У вас серебристые волосы и странное лицо.

– А вы алым и золотым, как и ваши волосы. Что не так с моим лицом?

– Не знаю. Но в настоящем мире вы другой.

Зигфрид попытался осмыслить сказанное, но так и не сумел.

– Получается, себя мы такими видеть не можем, – задумчиво произнесла Ильза, поднося к глазам свою руку.

Зигфрид решил не тратить время зря и повернулся к свернувшейся на пеньке змее.

– Кузина Ильза тоже спит?

– Да.

– Кузен Зигфрид обладает той же силой, что и я? – вмешалась девушка.

– Да.

Он сердито посмотрел на Ильзу и снова обратился к змее:

– Она – та девушка, о которой ты говорила?

– Да.

– Теперь все понятно, – вздохнул Зигфрид.

– Мне понятно далеко не все, – возразила Ильза. – Вы скрывали свой дар?

– Я не знал о нем.

– Но вы научились заходить в мир духов. – В ее голосе звучал неподдельный восторг. – Невероятно. Мы с вами единственные.

– О, понимаю, теперь вы прославитесь в Башнях, – усмехнулся Зигфрид. – Могу лишь попросить не упоминать меня в своих исследованиях. – Он посмотрел на змею. – Это действительно мир духов?

– Нет.

Зигфрид с некоторым злорадством почувствовал, что Ильза растерялась. Ощущение пришло ниоткуда, но он знал, что прав. В этом странном месте были свои законы.

– Как? А где же мы находимся? – спросила Ильза.

– В сумрачном лесу, – последовал ответ.

– Первый раз слышу. Что такое сумрачный лес?

Змея ответила не сразу. Больше всего это было похоже на то, что она глубоко задумалась.

– Говоря понятным вам обоим языком, это место, откуда происходит то, что вы у себя называете магией.

– Требуйте сразу назначение Магистром, – посоветовал Зигфрид Ильзе. – Тысячи теорий ваших коллег только что рассыпались в прах.

– Вам откуда знать об этих теориях, – проворчала Ильза, присаживаясь перед пеньком со змеей и явно намереваясь продолжить расспросы. Однако Зигфрид присутствовал здесь не для научного диспута.

– Я не настолько невежественен, как вы полагаете, кузина. И я попрошу вас оставить нашу даму-змею в покое. У меня есть к ней важное дело.

– Не у вас одного, кузен. Если вы забыли, она и мой проводник тоже.

Змея поворачивала голову поочередно к ним обоим. Будь она человеком, Зигфрид бы сказал, что это замешательство.

– Ты когда-нибудь работала с двумя людьми? – поинтересовался у проводника Зигфрид, присаживаясь у пенька рядом с Ильзой.

– Нет. Но ссложностей не возникнет, если вы сссами договоритесь.

Зигфрид переглянулся с упрямой кузиной.

– Дамы вперед, – вежливо сказал он. – Только опустим рассуждения о верных и ложных теориях. Говорите, какое у вас дело.

– Я хотела узнать, что с моими сестрами. При рождении их называли Фредерика и Эрнестина.

Сердце Зигфрида, или что его заменяло в этом сумрачном лесу, пропустило удар. Он сам желал отправиться к Кьяре, но в этом путешествии обошелся бы без неугомонной Ильзы. К тому же он собирался получить сведения о Рудольфе Риделе, за последние несколько дней лишившим его покоя. Феликс, несомненно, найдет все информацию, какую можно найти, но здесь, в сумрачном лесу, можно узнать то, что давно исчезло и предано забвению в настоящем мире. Однако обо всем этом откровенничать с кузиной он не собирался.

– Могу вас уверить, кузина, что с Эрнестиной все в порядке, – быстро сказал он. – А к Фредерике я пойду с вами.

Ильза, прищурившись, посмотрела на него

– Вы на глазах оправдываете свою репутацию. Слишком много знаете, дорогой кузен. И теперь я начинаю понимать, откуда.

– И неверно понимаете, дорогая кузина, – в тон ей ответил Зигфрид. – Просто одну из ваших сестер я знаю много лет.

Тихое шипение заставило и его, и Ильзу вспомнить о проводнике.

– Договорились?

– Хорошо. Идем сначала к Фредерике, – согласилась Ильза. – Но наш разговор не закончен. Была бы я ближе к политике и обретенной семье, попыталась придушить вас, кузен, за подковерные игры.

Зигфрид поднялся на ноги и засмеялся.

– Буду знать, чего опасаться при встрече с вами. – Он наклонился к змее, протягивая руку. Проводник привычно скользнула на его плечо и обвилась вокруг тела. Зигфрид почувствовал легкое прикосновение ее языка. Похоже, что-то в его личной магии, алом и синем сиянии, привлекало змею.

– О, – только и смогла вымолвить Ильза. – Теперь я поняла, что с вами не так. Ваше лицо – оно живое, на нем читаются эмоции и чувства. Почему же в настоящем мире оно мертво?

Зигфрид услышал, как змея тихо зашипела, и предупреждающе поднял ладонь.

– Не отвечай ей. Кузина Ильза слишком любопытна.

– В таком случае, не следует распясть мое любопытство, – ответила она. – Иначе это будет следующее, о чем я спрошу, когда появлюсь здесь одна.

– Вам не кажется, что мы пришли, моя болтливая кузина?

Зигфрид и Ильза находились в небольшой и очень темной комнате. Во мраке угадывались лишь очертания мебели.

– Почему здесь так темно? – растерянно спросила Ильза. – И где моя сестра?

– Думаю, она не спит, – сказал Зигфрид и почувствовал, как змея шевельнулась, ее узкая мордочка появилась у другого его плеча, и комнату осветил мягкий и глубокий синий свет.

– Кузен, как это у вас получилось? – уставилась на него Ильза.

– Это не я, – начал Зигфрид, но кузина прервала его изумленным и испуганным криком.

– Хор всемогущий! Это же Башня!

– Вы уверены?

Но неугомонная кузина уже закружила по комнате, представляющей собой скорее какую-то лабораторию. Впрочем, Зигфрид никогда не видел лабораторий, только слышал о них от Феликса. Но чем еще могло быть это помещение с крохотными окошками под потолком, с длинными столами, заваленными какими-то странными вещами, единственным маленьким диванчиком в углу и странным сооружением, напоминающем узкую неудобную кровать?

– Это Шестая Башня, – твердо сказала Ильза, обходя столы. – Как моя сестра могла здесь оказаться?

– Не по своей воле, – ответила змея.

Зигфрид увидел, как Ильза попыталась стукнуть кулаком по столу, и у нее не получилось. Светящаяся рука кухни просто прошла сквозь поверхность. Как его тогда, когда он хотел закрыть ставни в столичном трактире, где жила Кьяра.

– Дитер, – почти зарычала Ильза, и Зигфрид с интересом посмотрел на нее.

– Считаете, что она ему зачем-то понадобилась? Или он таким образом нашел вам замену?

Кузина быстро подошла к нему, как будто и в самом деле намеревалась схватить и задушить, однако остановилась совсем близко от него.

– Вы не издеваетесь, – тихо сказала она и протянула руку. Зигфрид скосил глаза и увидел, как она коснулась головы змеи. – Дитер держит мою сестру взаперти?

– Да, – последовал ответ.

– Это мой близнец или младшая?

– Близнец.

– Он мог перепутать, – сказал Зигфрид.

– Гадкий ничтожный человек. Феликс был прав! – Ильза отошла от Зигфрида, но он остановил ее, взяв за запястье.

– Ты сейчас с Феликсом?

Ощущение от соприкосновения рук в мире снов оказались на редкость приятными. Зигфрид зачарованно наблюдал, как алое с золотым сияние Ильзы охватывает его ладонь, предплечье, затем плечо, словно ласково и успокаивающе поглаживая. Кузина также смотрела на их руки, похоже, испытывая те же чувства. Зигфрид, повинувшись непонятному импульсу, погладил большим пальцем ее запястье. Жест получился на редкость интимным.

– Очень интересно, – очнулась Ильза и медленно, с неохотой, освободила свою руку, напоследок прикоснувшись к его пальцам. Сияние исчезло. – Я и советник Феликс в Морской Длани, кузен. В твоём замке все в порядке. Феликс сам все расскажет, когда вы встретитесь.

– В обычном мире мы тоже будем на «ты», кузина? – улыбнулся Зигфрид.

– Если позволишь, – с нотками недовольства в голосе ответила Ильза. – Там ты совсем другой.

– Не совсем, – возразил Зигфрид и внезапно услышал громкий стук, как будто со стороны. «Монсеньор! Монсеньор, ответьте!» – раздался вслед за этим знакомый голос. Ильза, издав удивленный возглас, протянула руки к нему. Зигфрид почувствовал, как вздрогнуло все тело, провалился в темную пустоту и очнулся в кровати в каюте, в дверь которой нещадно барабанил, судя по голосу, Алберт Ротман. Зигфрид откинул одеяло, схватил висящую на стуле рядом рубаху, натянул ее через голову, в два шага пересек каюту и распахнул дверь.

– Что случилось? – холодно и спокойно бросил он в лицо нарушителя сна. Оставалось надеяться, что оставшаяся в мире снов, в сумрачном лесу, Ильза не вспомнит о своем обещании покопаться в его прошлом. Феликсу не стоило позволять ей так долго спать, тем более, судя по всему, уже давно наступило утро. И хорошо, если Ильза нежится не в его уютной спальне. Занятый собиранием информации Феликс мог не обратить внимания на то, где ночевала его подопечная. Впрочем, от новой родственницы, несомненно, был толк и большой. Возможность общаться в снах открывало неплохие перспективы.

– Случилось? – захлопал глазами капитан Ротман. – Монсеньор, я думал, с вами что-то случилось. Вы так крепко спали.

– Я был занят, – сказал чистую правду Зигфрид.

– Простите, если я не вовремя, монсеньор. – Ротман мельком осмотрел его полуодетый и растрепанный вид. – Я пригласил ее высочество к завтраку и подумал, что она не захочет начинать без вас.

Зигфрид кивнул.

– Передайте ее высочеству, что я скоро буду.

Глава 3

Герцогство Синие Камни, Тусар

Кадир не отрывал взгляда от руки Озана, судорожно сжимающей рукоять сабли. Бой затих. Люди, и суридские наемники, и охрана принца, застыли. На плечо опустилась другая, совершенно не братская рука и рывком бросила его на колени. Пистолет уперся в затылок. Теперь перед глазами была пыльная дорога и торчавшие кое-где редкие кустики травки. Вероятно, это будет последнее, что он увидит.

– Вас всех следует пристрелить на месте за то, что вы устроили на моих землях, – раздался над головой женский голос. – Посметь напасть на его высочество!

– Ваши земли? – голос Озана был спокоен.

– Хорошо, моего мужа, герцога Леонардо, – поправила себя женщина. – Я – герцогиня Синих Камней, Албертина. И я спрашиваю, где мой сын?

– Отпустите моего брата, миледи. – Озан продолжал говорить спокойно, что удивило Кадира. В подобной ситуации брат должен был взорваться от ярости. Хотелось поднять голову и взглянуть в лицо Озана, но пистолет, настойчиво упирившийся в затылок, заставлял забыть об этом.

– Ответ неверный. – Дуло прижалось сильнее, и Кадир судорожно вздохнул. – Мне жаль этого мальчика, но кривая дорожка редко приводит к спокойной зрелости и счастливой старости. Еще раз – где мой сын?

– Не знаю. С нами был маг, – ответил Озан. – Вероятно, он ушел в портал вместе с вашим сыном.

– Где искать этого мага?

Кадир понял, что грозную герцогиню не устроит еще один ответ «не знаю». Похоже, он оказался прав, и брат прочел это на лице герцогини, поскольку сразу же раздался его резкий окрик:

– Не надо, миледи, стойте! Я... я все расскажу вам. Я не разбойник и оказался здесь из-за крайне запутанных обстоятельств.

– Нехватка денег, я полагаю, – зло усмехнулась герцогиня. – Что ж, вашему брату они точно больше не понадобятся.

Кадир представил, как палец прижимается к курку, и закрыл глаза. Как глупо умереть вот так, стоя на коленях на пустынной дороге, не успев сказать последние и важные слова близким людям. Все ли приговоренные к смерти испытывают похожие чувства? Или только он сожалеет о предпринятом путешествии в Тусар? И вообще обо всех своих путешествиях, начиная с Илеханда. Даже время, проведенное с неожиданно возникшей на его жизненном пути любимой женщиной, оказалось коротким и не принесло ничего, кроме тоски, ревности и злости. На себя и свою глупость.

– Нет! – Теперь в голосе Озана слышалось неприкрытое отчаяние. – Повторяю – я не разбойник. Умоляю, поверьте мне! Я наследник суридского престола, басэмиран Озан хазретлери эфенди. А тот, кого вы хотите застрелить, мой брат, Кадир хан эфенди, шах вилайета Сэдыр!

Пистолет остался на своем месте. Кадир чувствовал, как по спине бегут струйки пота, перед закрытыми глазами пляшут красные пятна, но опасался шевелиться и не хотел снова видеть эту проклятую пыльную дорогу. Сейчас герцогиня рассмеется и нажмет на курок. Невозможно поверить в такие признания, которые произнес брат. Но вокруг царил тишина.

– Бродил я, как в пустыне, сбитый с пути страстью, – внезапно нараспев проговорила женщина на суридском языке. – Сон мой пуст, и нет конца гнетущим меня делам. Одна ты

спасаешь меня своим взглядом, моя прекрасная. Вся гордыня и грязь этого мира не оставляют меня, поднявшегося к вершинам власти. Но только твоя любовь напомнит мне, кто я есть, моя прекрасная.

– Весь мир, полный лжи и разрушенной добродетели, когда-нибудь возродиться в новом блеске, – продолжил стихи голос Озана. – И в новом мире ты навсегда останешься моей любовью и путеводной звездой, моя прекрасная.

Пистолет исчез, и Кадир с облегчением качнулся вперед и упал бы на землю, но вовремя подставил руки. Сердце бешено колотилось, во рту пересохло, а мышцы дрожали от испытанного напряжения.

– Неужели вы думали, что я не узнаю стихов своего деда, эмира Селима? – спросил Озан.

Твердая женская рука коснулась Кадира и помогла ему подняться. Он пошатнулся и, упав на мягкую грудь в фиолетовом колете, испуганно отпрянул.

– Просите, миледи.

Герцогиня кивнула, опустив пистолет, и оперлась спиной на распахнутую дверцу кареты. Ее глаза лихорадочно блестели, а щеки покраснелись. К Кадиру подбежал Озан, схватил его и порывисто прижал к себе. Последний раз брат обнимал его еще в детстве.

– Ты как?

– Ничего. Теперь жить буду, – постарался улыбнуться Кадир, хотя тело продолжала сотрясать нервная дрожь.

Озан повернулся к своим людям и махнул рукой.

– Отбой! Помогите мне привести все в порядок и устройте временный лагерь в стороне от дороги. Нам надо поговорить с миледи.

– Несомненно, ваше высочество, – отозвалась герцогиня. – Но для начала узнаем, что случилось с его высочеством. Он все время лежит неподвижно.

Принца Джордано, с помощью людей из его охраны, положили на толстый плащ герцогини и постарались привести в себя. Но он не шевелился и мог только моргать. При этом глаза его выражали то гнев, то досаду и отчаяние.

– Парализующее заклятие, – сказал Озан. – Я успел заметить, как маг снимал его с лошади.

– Я не сумел пробиться к ним, – добавил Кадир. – Иначе бы остановил мага. Я не доверял ему с самого начала.

Озан кинул на него быстрый взгляд, но промолчал.

– Полагаю, его пытался остановить мой сын Лючано, – вздохнула герцогиня Албертина. – Мой муж говорил, что если магу помешать во время телепорта, это может закончиться очень плохо.

Экипаж убрали с дороги, распрягли лошадей и отпустил их пастись. Герцогиня Албертина успела вытащить из кареты несколько покрывал и расстелить их прямо на траве под большим деревом. Охрана принца Джордано тем временем возилась с ранеными и костром. Кадир присел на покрывало, борясь с желанием рухнуть навзничь и заснуть мертвецким сном. Хорошо принцу Джордано, он может лежать, не роняя своего достоинства. Кадир уткнулся носом в колени и обнял их руками.

– Только раненные. Не тяжело, – раздался голос Озана. – Ваш человек убит боевым заклинанием.

Кадир вздрогнул и понял, что все-таки задремал. Он поднял голову и, прищурившись, осмотрелся. Брат сидел справа, герцогиня Албертина слева. Лица у обоих были хмуры. Принца Джордано устроили поближе к костру, подложив под голову свернутую одежду, очень напоминающую женское платье. Кадир решил, что Албертина пожертвовала свои вещи, и с запозданием понял, что наряд у нее для тусарской герцогини несколько неподходящий. Так спешила покинуть Поляну, что не успела переодеться? Или не пожелала?

Немного в стороне, у своего костра, расположилась охрана принца. К ним присоединились и люди Озана. Они тихо и мирно говорили о чем-то и, похоже, не собирались убивать друг друга.

– Ваши люди неплохо владеют оружием, – заметила герцогиня. Пистолет она держала на коленях, обтянутых дорожными штанами из тонкого сукна. Юбка-хвост и шляпа лежали рядом.

– Это моя стража из дворца. – Озан вздохнул. – Им нелегко пришлось.

– Спасибо, что не убили никого, – сказала Албертина.

– Совсем никого не получилось. Проклятый маг.

– Начнем с начала. Почему вы напали на нас, и зачем ваш маг пытался похитить принца Джордано, а похитил моего сына?

– Он не наш маг, – вступил в разговор Кадир, с трудом подавив зевок. – И лично мне с самого начала не нравилась идея помочь ему.

Он намеренно прямо смотрел на Озана. Но тот, вместо того чтобы вспыхнуть и приняться спорить, снова тяжело вздохнул.

– Я опущу причины, по которым год назад оказался в столице Илеханда, – начал говорить он. – Это касалось внутренних семейных дел, и теперь я понимаю и признаю свою неправоту и чрезмерную вспыльчивость. Но не о них речь. Мой брат последовал за мной и старался уговорить меня вернуться. Мы затерялись в столице. Там я встретил девушку. – Он замолчал.

– Продолжайте, я поняла.

– Мне повезло меньше, миледи, я себя не понимал, – с досадой сказал Озан. – Она красива, я опекал ее, и мне льстила ее привязанность и восхищение мной. Мои люди тоже боготворили меня, но это не то же самое, что поклонение женщины.

– Вы считали ее своей, – кивнула Албертина, и в ее глазах заплясали смешинки. – С мужчинами такое случается.

– Некоторые мужчины должны быть осторожны с такими вещами, – сухо сказал Озан. – Потому что когда этот тусарский маг сообщил, что ее украл принц Джордано, я был все себя от ярости. И вот к чему это привело.

– Маг из Тусара? – удивленно приподняла брови герцогиня. – Как же его имя, позвольте узнать?

Озан пожал плечами.

– Он не представился. А я был слишком взволнован похищением Фике и спешил. Но он хорошо знает принца.

– Я знаю, кто он, – снова вмешался Кадир. – И, если ты не возражаешь, брат, я продолжу твой рассказ. Моя жизнь куплена нашей откровенностью с миледи. – Он чуть наклонил голову в ее сторону.

Озан немного подумал и кивнул:

– Хорошо, говори.

Кадир выпрямил затекшие ноги. Поведение брата все больше и больше изумляло его. Еще немного, и тот заговорит, как эмир Орхан.

– Посетивший нас в столице Илеханда маг – граф Марио Риччи, бывший посол Тусара. – Он сделал паузу, заметил, что герцогиня расширила глаза и подалась вперед, и продолжил. – Я никоим образом не желал вмешиваться в дела обоих государств. Однако получилось так, что ко мне в руки попали некоторые бумаги, которые ранее находились у графа Риччи. Я передал их принцу Джордано. Полагаю, именно их хотел выкрасть граф, когда явился к нам за поддержкой. А вся история с похищением девушки якобы нанятым принцем магом ни что иное, как выдумка, от начала до конца. Не удивлюсь, если сам граф Риччи и украл ее.

– Почему ты раньше молчал? – спросил Озан, и ноздри его прямого крупного носа раздулись, как бывало раньше, когда он злился. – Я чувствую себя полным идиотом.

– А ты стал бы меня слушать? – парировал Кадир. – Это были только подозрения, совершенно голословные.

– Которые подтвердились. – Брат стукнул кулаком по покрывалу.

– Когда принц Джордано и Лючано приехали в Поляну, с ними не было девушки, – сдвинула брови герцогиня. – Конечно, его высочество каждый день выезжал на прогулки, и никто не следил, чем он занимался. Но я уверена, что ему незачем было похищать какую-то неизвестную женщину. Он собирался жениться на кронпринцессе Вильгельмине, и это занимало все его мысли.

– Маг утверждал, что принц заметил Фике на празднике Смены Сезона во дворце и решил завладеть ей. На этот маскарад ее привел я, и я же должен был освободить ее. – Озан сжал кулаки. – Так я тогда решил. Получается, что этот граф просто провел меня, как младенца.

– Он не мог знать, кто мы, – возразил Кадир.

– Зато ты чуть не погиб на моих глазах. – Озан на миг отвернулся. – Ты не представляешь, что я почувствовал, когда понял, что сам привел тебя к смерти. Как будто весь мой мир перевернулся, и я словно увидел себя со стороны.

Последовало неловкое молчание. Кадир почувствовал, как внутри появляется приятное тепло, которого он не ощущал с тех пор, как умер отец.

Герцогиня Албертина прокашлялась.

– Какие бумаги вы передали его высочеству, хан эфенди, и где они могут быть? – спросила она. – Я хочу знать, почему тусарский аристократ и посол короля оказался предателем и напал на своего принца.

– Простите, миледи, – посмотрел на нее Кадир. – Но про содержание бумаг я смогу ответить только своему эмиру или королю Тусара.

– Вы обещали мне откровенность, – напомнила герцогиня.

Кадир твердо выдержал ее взгляд. Он не упомянул об илехандской тюрьме, где сидел Озан, и не собирался рассказывать о содержимом бумаг графа Риччи.

Герцогиня Албертина выпустила Кадира из цепких объятий своего взгляда и перенесла внимание на принца Джордано.

– Ваше высочество, эти бумаги при вас? Если ответ «да», то моргните.

Ресницы принца не двинулись.

– Вы знаете, где бумаги? – продолжала Албертина.

И снова последовал отрицательный ответ.

– Ты передал их лично принцу? – спросил у Кадира Озан.

– Нет. Я отдал запечатанный пакет стражнику у покоев принца, и тот обещал проследить.

– Капитан Корнеро! Подойдите! – во все горло по-тусарски закричала Албертина, и Кадир чуть вздрогнул. Наверное, герцогиня Синих Камней ко всем своим прочим достоинствам еще и неплохо поет.

От группы охраны отделился человек, подошел к герцогине, оправил порванный рукав колета и почтительно вытянулся.

– Во время праздника Смены Сезона в королевском дворце приходил пакет с бумагами для его высочества? – строго спросила Албертина.

Кадир все больше восхищался тусарской герцогиней несмотря на то, что она чуть не застрелила его.

– Да, ваша светлость, – отвечивал капитан после нескольких секунд раздумья. – В это время была моя смена.

– И что вы с ним сделали?

– Отнес в апартаменты его высочества, ваша светлость, как и было велено, – еще больше вытянулся капитан.

Герцогиня снова посмотрела на лежащего принца Джордано, который выразительно вращал глазами, и задумчиво потерла подбородок.

– В комнатах его высочества еще кто-то был, капитан Корнеро?

– Нет, ваша светлость. Но почти сразу пришел его светлость Лючано. Я виноват, ваша светлость?

– Можете идти, капитан, – вздохнула Албертина, и ее плечи поникли. – Вы ни в чем не виноваты.

Кадир молчал, косясь на брата. Тот сидел неподвижно, смотря прямо перед собой. Кадир встал, подошел к сгорбившейся герцогине и присел рядом с ней. Его знания тусарского хватило, чтобы понять разговор.

– Бумаги были у вашего сына, – сказал он. – Принц Джордано ничего не знает о них.

– Что же в этих бумагах? Что за страшная тайна? – прошептала герцогиня, поднимая влажные глаза на Кадира. – Если мой Лючано умер из-за нее...

Кадир проглотил вставший поперек горла комок и легко коснулся ее плеча, желая утешить. Она вытерла выступившие слезы и благодарно сжала его ладонь.

– Нет, не отвечайте мне, – сказала она. – Я благодарю Бога, что не убила вас. Я бы принесла горе вашей матери. Родители не должны жить дольше своих детей.

Кадир внутренним взором вдруг ясно увидел лицо матери, ее прозрачные зеленые глаза, и в носу зашипало от чувства вины. В свое время он поверил сплетням и почти убедился в своих домыслах. Как и Озан, когда исчезла Фике. Он считал свою мать причастной к смерти ее первого мужа, был уверен, что они с отцом убили его, чтобы потом пожениться, и сожгли замок, чтобы скрыть следы своего преступления. Он винил мать в сердечной черствости и расчетливости. Особенно, когда отец был казнен по приказу эмира, а она не проронила и слезинки. Но ведь все могло быть не так. Мать тяжело горевала о муже и наверняка страдала от холода и тайных подозрений своего единственного сына. И если бы сегодня пуля из пистолета герцогини Синих Камней прервала его жизнь, то они бы уже никогда не смогли объясниться.

– Проклятие! – воскликнул Озан, тоже вставая и подходя к ним. – Мы найдем вашего сына. Даже если придется содрать шкуру с этого графа Риччи. Я обещаю вам, миледи.

– Нам необходимо отправиться в Четвертую Башню и снять заклятие с принца Джордано, – сказала Албертина, с надеждой и благодарностью посмотрев на него. – Вероятно, он знает больше о безобразной интриге графа.

– Мы будем сопровождать вас, миледи, – склонил голову Кадир. – Маги обязаны прислушаться к нам, найти и наказать преступника Марио Риччи.

– Возможно, Фике тоже найдется, – тихо прибавил Озан. – И я сниму еще один груз со своей совести.

«Злая скумбрия», открытое море

«Злая скумбрия» лениво покачивалась на волнах. Вильгельмина тосковала. Она поднялась на верхнюю палубу, стараясь не замечать приставленного Зигфридом или по его приказу капитаном Ротманом человека, который постоянно сопровождал ее, стоило ей покинуть каюту. Вот и сейчас он шурился позади, вызывая раздражение. Похоже, ее жених всерьез считал, что она может поскользнуться и упасть за борт. Или споткнуться на ровном месте и сломать шею. Он тоже не воспринимал ее всерьез. Оставалось надеяться на его сильное желание стать принцем-консортом.

Вильгельмина сжала губы и со вздохом позволила легкому ветерку унести ее очередное письмо маме вниз, к волнам. Последние дни, которые она провела на корабле, стояла на редкость покладистая погода без сильных ветров и дождя. Словно все высшие силы стоворились помочь Зигфриду Корфу в его планах. Было бы еще неплохо, если бы он соизволил поде-

литься ими. Принцесса повела плечами, засмотрелась на летящую вдалеке птицу и вздрогнула от чьего-то присутствия за спиной. Надеюсь, что это не ее страж, который пару раз позволял себе споткнуться и наступить на ее юбку, сопровождая это тихим хихиканьем, Вильгельмина резко повернулась и встретила светлые глаза Зигфрида, смотрящие прямо на нее. На нем не было шляпы, льняные волосы свободно падали на плечи, немного завиваясь на концах.

– А, это вы, – рассеянно сказала она и тут же пожалела о своей невежливости.

– Я вижу, вы мне очень рады, – чуть поклонился он. – Вы рано ушли с ужина. Надеюсь, ничего не случилось?

– Что здесь может случиться? – Она снова отвернулась к борту. – В вашем присутствии матросы не осмеливаются шутить надо мной. Придавленная юбка не считается. Шутник не виноват, что мне она не по размеру.

– Капитан Ротман заменил этого весельчака. Думаю, он теперь драит камбуз и служит мишенью для опытов коков, – заверил ее Зигфрид. – Вильгельмина, я завтра покидаю корабль.

Принцесса на этот раз медленно развернулась и с недоумением взглянула на него.

– Куда вы отправляетесь?

– Все будет зависеть от того, какие известия я получу. Но, скорее всего, в столицу.

– Я хочу узнать, что вы намерены делать, – отрывисто произнесла Вильгельмина.

Последовала затяжная пауза, во время которой Зигфрид, в свою очередь, внимательно смотрел на нее. Принцесса кивнула сама себе, набрала в грудь больше воздуха и подошла ближе, с невольным интересом рассматривая его бледное лицо, находившееся сейчас так близко. Очень спокойное лицо, несомненно, красивое, но с ничего не выражающими светло-серыми глазами.

– Генералиссимус, – выдохнула принцесса, – спрятал меня и собирался вытащить на свет, когда ему будет угодно, объясняя это отеческой заботой. Тогда я позволила этому случиться. Но это не значит, что я сейчас, оказавшись под вашим покровительством, буду прятаться. Я рассчитываю на вас и ваши планы, Зигфрид, но желаю знать, в чем они заключаются. И если... – она собрала все силы, чтобы не впасть в отчаяние от холодного и неподвижного лица своего собеседника. Неужели его и вправду интересует хоть что-то, пусть даже трон? И слышит ли он ее вообще? – если вдруг вам понадобится помощь, я сделаю все, что в моих силах. Можете на меня рассчитывать.

На его лице не дрогнул ни один мускул, только зрачок в серых глазах немного увеличился. Его теплое дыхание коснулось губ Вильгельмины.

– Теперь я понял, зачем понадобился вам в качестве мужа, – сказал Зигфрид.

Вильгельмина от удивления заморгала и не нашла, что ответить. Как же герцог Морской Длани любил ставить людей в тупик. Или это получалось само собой?

Зигфрид отпрянул от нее и прислонился спиной к борту. Теперь они стояли бок о бок, и принцесса больше не видела его глаз.

– Есть основания полагать, что за заговором против вас стоит мой брат Конрад.

– Он умер, – наморщила лоб Вильгельмина.

– Мы все ошиблись. Он жив, – спокойно произнес Зигфрид. – И мне надо убедиться, что мои люди, и вассалы Морской Длани, и капитаны, по-прежнему верны именно мне.

– Хор всемогущий, – выдохнула принцесса, до которой стала доходить величина их возможных проблем. – Поэтому мы сидим на «Злой скумбрии»?

– Да. И еще ждем, что кто-то покажет свои намерения первым.

– А остальные герцоги? Что с ними? Генерал-регент? – Вильгельмина понимала, что не на шутку разволновалась и попыталась успокоиться, глубоко дыша. Зигфрид, видимо, понял это, потому что ее ладонь успокаивающе накрыла его рука.

– Все наши высокопоставленные родственники, несомненно, заслуживают внимания. Конрада на собрании открыто поддержала Оттилия, а Бертильда повела себя странно. Генерал-регент, несомненно, желает посадить на трон вас.

– Бертильда, Золотые Дубы... – пробормотала Вильгельмина, стараясь вспомнить. – Она заняла много денег у Фердинанда и проиграла их?

– Верно, – кивнул Зигфрид. – И еще она много пьет.

– А Оттилия очень старая, верно? – принцесса помолчала, раздумывая. – И ей...

– На первый взгляд не нужен трон, – закончил Зигфрид. – Вы совершенно правы, Вильгельмина. Но, в любом случае, чтобы узнать наверняка, мне необходимо дождаться своего человека.

– Вы уедете, а я останусь здесь. Надолго? – Вильгельмина отчего-то забеспокоилась и сжала его ладонь.

– Будем надеяться, что нет. В любом случае, угрожать вам ничего не будет, я пришлю «Изумрудного быка», свой флагманский корабль, с капитаном Лейтнером. – Он кинул на ее беглый взгляд. – Или вы будете скучать?

Вильгельмина неожиданно смутилась, поняла, что они стоят, все еще взявшись за руки, и освободила свою руку.

– Конечно, Зигфрид, ведь вы мой жених, – чинно ответила она.

– Вам положено скучать, – в тон ей подтвердил он.

– И лить слезы, – с досадой произнесла принцесса, сетуя на его насмешку и понимая, что сама стала тому виной. Нашла время и место для церемоний.

– Вы разрываете мне сердце, Вильгельмина. Слезы это так печально, – ровно сказал Зигфрид. – А теперь, если не возражаете, я провожу вас вниз. Здесь становится прохладно.

У Зигфрида Корфа есть сердце? За спиной привычно шуршал приставленный для охраны матрос.

Ресторан «Алмазное сердце», столица, Илеханд

– Господин желает еще что-нибудь? – Вежливый голос официанта показался громовым раскатом, настолько Мишель успел уйти в свои мысли.

– Нет. Мой друг, когда придет, сделает себе заказ.

Официант кинул не слишком одобрительный взгляд на столик и отошел. Мишель отказался от лучшего вина, редких ликеров и прочих великолепнейших напитков «Алмазного сердца» и предпочел к плотному ужину простую воду. Официанты подобных столичных заведений считают это достаточной причиной, чтобы облить посетителя вежливым ледяным презрением. Конечно же, если это не постоянный и очень знатный посетитель. Иначе можно распрощаться с хорошим местом раз и навсегда.

На Мишеля давно не действовали ни презрительные взгляды, ни усмешки, ни многочисленные шумящие люди вокруг. Впрочем, для шума час был ранний, основное веселье илехандской аристократической публики начнется позже. Сам Мишель выбрал для своих целей «Алмазное сердце» из простого расчета, что его будущий собеседник не откажется встретиться в таком знаменитом и людном месте.

Стеклянная с металлическим обрамлением под серебро парадная дверь распахнулась, пропуская высокую женщину средних лет в серой форме с генеральской перевязью. В сопровождении мгновенно подскочившего официанта, подхватившего ее сброшенный одним движением плащ, она важно прошествовала к нише в дальнем конце большого мраморного зала, откуда уже доносились голоса. За ней, восторженно таращась на роскошь вокруг, семенил молодой офицер, похоже, адъютант.

Мишель был уверен, что его «друг» обязательно появится, поэтому не слишком беспокоился о его опоздании. Разговор предстоял тяжелый, поэтому и пришлось отказаться от вина. Во время работы Мишель предпочитал сохранять трезвую голову.

Дверь снова распахнулась, и в зале появилась наряженная в платье со шлейфом еще одна не молодая дама, тоже в сопровождении лейтенанта, тощей конопатой девицы. Судя по количеству военных, в «Алмазном сердце» скоро должны были начаться боевые действия. Удивительно, как весь Илеханд еще не оделся в форму и не замаршировал, распевая парадные песни. Хотя стоит признать, что в военизированном государстве есть свои полезные стороны. Здесь невозможны частые смены власти, как в Велии. В Феле, например, давно необходимо было завести надежную армию и раз и навсегда избавить герцогство от потрясений, последствия которых Мишель не раз испытал на себе. Может, стоило все-таки спасти кузена Анри и не оставлять его на произвол новой династии? Однако отчасти благодаря ему Мишель получил свое ненавистное прозвище, поэтому редко терзался сомнениями насчет правильности выбора.

На столик легла тень, послышалось шумное сопение, и Мишель лениво поднял глаза, уже зная, кого он увидит. С минуту они рассматривали друг друга, затем на лице подошедшего отразилось неподдельное изумление и замешательство.

– Я барон Михаэль Зингер, – сказал он. – И смею заявить, что вас я не знаю. Вероятно, я ошибся.

– Присядьте, барон. – Мишель подкрепил свое приглашение жестом. – Уверю, здесь нет никакой ошибки. Именно я написал вам письмо и пригласил сюда.

Лицо барона исказила неприятная гримаса. И как только он присел за столик, сразу же нарисовался обслуживающий Мишеля официант.

– Что желает господин?

Пока недовольный барон делал заказ, Мишель задумчиво рассматривал его. Бывший лейб-лекарь оказался среднего роста, с большими залысинами, пегой бородкой и с подозрительными блеклыми глазами навывкате. Если бы Мишелю привели такого на допрос с пристрастием, он бы не стал возиться сам, а передал его помощникам. Но настоящее дело было делом самого Мишеля и не требовало подручных.

– Позвольте представиться, маркиз Мишель Валабрег, – сказал он, когда официант удалился.

Редкие брови барона сошлись к переносице.

– И снова вынужден сообщить, что не знаю вас, милорд. У меня нет знакомств в Велии.

Мишель чуть улыбнулся, оперся локтями на стол, сцепил руки и оперся на них подбородком.

– Безусловно, нет, милорд, – согласился он. – Вы предпочитаете сначала поужинать или начнем разговор?

– Я заказал только вино, – почти прорычал барон. – И у меня нет желания с вами разговаривать, а есть только один вопрос – где моя правнучка?

– В надежном месте, – вздохнул Мишель и машинально потер шрам над бровью. – И если вам интересно, где, то придется побеседовать со мной.

– Да что вы себе позволяете? – грозно прошептал барон Зингер, наклоняясь к нему через стол. – Посметь тронуть дочь герцога Морской Длани, одну из наследниц престола. Вы заплатите за это!

Мишель сузил глаза и с недобрый интересом посмотрел на разъяренного собеседника. Значит, и сейчас он умудрился влезть в королевскую семью. Чья дочь, Зигфрида Корфа? Редкостная чушь.

– Благодарите Бога, что ваши очередные гадкие интриги меня не касаются, – тихо и отчетливо произнес Мишель. – Но я глубоко сочувствую илехандскому королевскому дому.

Ваши грязные руки приносят только несчастья. Сядьте! – приказал он, увидев, что побагровевший барон привстал со своего места. – Ваше вино.

Невозмутимый официант поставил кувшин и бокалы и быстро удалился, безошибочно почуяв напряженную атмосферу за столиком.

– Выпейте и успокойтесь, – бросил Мишель, не стараясь скрыть презрение.

– Чего вы хотите? – прохрипел барон, делая большой глоток.

– Правдивых и четких ответов на мои вопросы. Только при этом условии ребенок будет возвращен вам.

– И вы еще говорите про грязные руки, – сверкнул налившимися кровью глазами собеседник.

– Молчите. Чистые методы не для вас, – парировал Мишель, откидываясь на удобный мягкий стул. – Итак. Двадцать два года назад погиб принц Тусара Ренато. Вы убили его?

Дрогнувшая рука, откровенно испуганный взгляд, мгновенно метнувшийся в сторону и опустившийся вниз. Дальше можно было не спрашивать, но Мишелю необходимо было узнать все до конца.

– Кто вы? – спросил у стола барон Зингер.

– Я уже представился вам. Теперь я хочу услышать ваш ответ.

– Хор всемогущий. – Потрясенный взгляд снова уперся в Мишеля, рука с бокалом подрагивала. – Откуда вы узнали? Кто вас послал? Этот наглец герцог Фридрих?

– Да или нет? – Хотелось схватить этого старого интригана за шиворот и приложить зубами о светлый, тщательно вымытый мраморный пол. Иначе его не проймешь. Неужели придется угрожать смертью ребенка?

– Да, – ответил барон шепотом. – Я убил его.

Мишель кивнул, придвинулся и положил локти на стол.

– Хорошо. А теперь я хочу услышать, как это случилось. Все обстоятельства.

– За-зачем вам? – еле произнес уже побелевшими губами барон.

– Не ваше дело, – выплюнул ответ Мишель и тяжело посмотрел на собеседника прямо в упор. Раньше от такого взгляда многие начинали говорить, не дожидаясь палачей.

Барон прикончил очередной стакан, несмело огляделся по сторонам, притронулся к вспотевшему лбу, снова опустил взгляд в стол и сгорбился.

– В молодости я служил лейб-лекарем при дворе, но не только. Как приближенная к ее величеству особа со временем я стал тайным советником королевы Вильгельмины. Я и Зигмунд Корф. Кронпринцесса Фредерика сделала свой выбор и решила выйти замуж за суридского эмира Карима, но тусарская партия продолжала плести интриги. Говорили, что королева Жанна, мать принца Ренато, имеет связи при илехандском дворе и может доставить неприятности эмирану Кариму. Во избежание недовольства Суриды и будущих осложнений внутри Илеханда королева Вильгельмина приказала избавиться от второго жениха и найти возможного наперсника тусарской королевы. Зигмунд Корф тянул время, обдумывая различные варианты, и я решил... – барон запнулся, – взять все в свои руки. Корф был герцогом, а я почти никем. В случае успеха я мог достигнуть тех высот, которых мне не принесли ни моя должность лейб-лекаря, ни женитьба на дочери герцогини Оттилии.

Как тривиально. Желание выслужиться перед королевой и посрамить высокопоставленного соперника, не гнушаясь никакими средствами. А он-то воображал себе великий заговор.

– Принца Ренато пригласили на охоту бароны Майеры, и я последовал за ним. Дальше все было просто. – Барон Зингер прикрыл глаза. – У меня было надежное средство, попавшее в завтрак, а у принца норовистый конь. И когда он во время травли зверя упал с лошади, я признал смерть, не упомянув о возможном отравлении. Мне поверили, и сочли излишним приглашать других лекарей. Майеры были сильно напуганы и просили меня уверить королеву и тусарского посла об их непричастности и искренней скорби. Я вернулся во дворец, где получил

вознаграждение и милость ее величества. Корф потом долго не появлялся. Поговаривали, что королева даже временно отлучила его от своей постели.

Барон замолчал, и Мишель, стиснув зубы, прождал некоторое время. Неужели этот выскочка мечтал не только о титуле и землях, но и о месте в королевской спальне? И Ренато принял смерть от руки этого завистливого ничтожества.

– Это все?

– Когда Майеров позже арестовали и обвинили в измене, их земли и титул отдали мне, – добавил барон.

– И вы, конечно же, были непричастны к этому, – со злой насмешкой произнес Мишель. Барон, чуть не захлебнувшись, допил вино и со стуком опустил бокал на стол.

– Да, я не стал их защищать, как бы они не умоляли, – мрачно сказал он. – Но они получили по заслугам как сообщники Стефана Леманна. А он, в свою очередь, был связан с королевой Жанной.

– И кто доказал последнее? Вы?

– Доказательств не было. Это предполагал Зигмунд Корф, – недовольно ответил барон.

– А его вы не пытались подставить, оклеветать или убить, чтобы получить герцогство? – поинтересовался Мишель. – А заодно и особые милости ее величества? Или Хозяин Морской Длани казался слишком крупным куском для вашего жадного рта? Боялись подавиться?

Лицо собеседника исказилось, забила жилка на виске. Похоже, что бывший лейб-лекарь не выносил насмешек, и терпел изо всех сил. Но Мишель был далек от жалости.

– Я рассказал вам, что знал, – выдавил из себя барон. – Что вы еще от меня хотите?

– Вам известно, от чего умерла королева Жанна?

Барон быстро покачал головой.

– Нет. Откуда мне это знать? – пролепетал он, видимо, сбитый с толку вопросом.

– А, может, подумаете лучше? – жестко сказал Мишель.

Блеклые глаза барона метались, словно два вора, застигнутые за кражей крупы. На лбу и висках выступили крупные капли пота.

– Я не знаю, милорд. Были только сплетни, клянусь вам, только сплетни. Зигмунд Корф думал, что Стефан Леманн – любовник тусарской королевы. И, вероятно, попытка убить принцесс была мстью за нее. Прошло много лет, они все умерли, кто теперь может сказать наверняка.

– Да, – произнес Мишель, смотря прямо, ровно на переносицу собеседника. – Они все умерли.

Некоторое время за их столиком стояла тишина.

– Но я все-таки не понимаю, какое вам до всего этого дело, – наконец, запальчиво произнес барон. Похоже, уже успел оправиться от испуга. И, конечно же, до сих пор уверен, что в «Алмазном сердце», среди множества знатных людей, он в полной безопасности. Мишель понял, что больше ему узнать ничего не удастся. А карать заказчика поздно – королева Вильгельмина давно скончалась, как, впрочем, и ее дочь, Фредерика. Пора было заканчивать.

– Барон Зингер, – холодно и спокойно начал Мишель. – Вы признались в убийстве принца Тусара Ренато. Ваше злодейство, совершенное из никчемных побуждений, стоило жизни не только молодому человеку, но и его матери, сердце которой было навсегда разбито, а горе не поддавалось утешению. Значит, вы виновны не только в убийстве принца Ренато, но и в последовавшей за ним смерти королевы Жанны. И вы за это заплатите.

Мишель неторопливо встал и принялся надевать перчатки. Он никогда не произносил обличительных речей, но здесь ему пришлось играть роль и судьи, и палача.

Барон потрясенно следил за ним, и его глаза стали еще больше, казалось, сейчас они выскользнут из глазниц.

– Да кто вы такой, недобрые духи вас побери? На кого вы работаете? На одного из герцогов крови? Иначе кем для вас могли быть все эти люди?

Тонкий длинный стилет послушно выскользнул из рукава и привычно лег в ладонь Мишеля.

– Я – маркиз Мишель Валабрег, известный также как Фельский Мельник. Принц Ренато родился моим единоутробным братом. А королева Жанна была моей матерью.

Он шагнул к сидящему барону. Одно движение, и стилет с легкостью проткнул колет потерявшего дар речи барона Зингера и нашел его сердце. Не обращая внимания на предсмертные хрипы и откровенный ужас на лице своей жертвы, Мишель засунул за ворот колета умирающего человека сложенную вчетверо записку, бросил деньги на столик и быстрым шагом покинул «Алмазное сердце». В Илеханде он справился со всеми делами, пора было отправляться в Тусар.

Глава 4

Ресторан «Алмазное сердце», столица, Илеханд

Официант с полным подносом вихрем промчался мимо, чудом не наткнувшись на лейтенанта Мартина Фойгта, возвращавшегося с заднего двора. Сегодня вечером в «Алмазном сердце» стояла суета. Впрочем, она могла быть совершенно обыденной, ведь сам Мартин ужинал в этом знаменитом столичном ресторане первый раз. И не один, а с дамой.

Дама, а точнее госпожа Берта Ханке, приветливо улыбнулась ему, показав свои на редкость большие и белые зубы. В этом Мартин тоже находил свою особую прелесть. Пышущие здоровьем веселые румяные женщины определенно были приятнее нервных и хворых придворных дам.

– Простите, я немного задержался, – сказал Мартин, присаживаясь на свое место.

– Я заказала еще перепелов, вы не против? – беспечно махнула рукой госпожа Ханке.

Мартин сглотнул, судорожно подсчитывая содержимое своего кошелька, но, поняв, что еще укладывается, кивнул.

– Если вам так нравятся эти маленькие птички, как я могу отказать?

– Обожаю. Папа тоже их любит.

Надо думать, купец Клаус намного богаче лейтенанта лейб-гвардии Мартина Фойгта, и единственная дочь ни в чем не знает отказа. Может, стоило пригласить дочку какого-нибудь кавалера, которая и заказывала бы поменьше, и оделась бы скромнее? Мартин упрекнул себя в мелочности, разлил по бокалам густой яичный ликер и отсалютовал своей без сомнения очаровательной спутнице. К слову сказать, ее сбежавший муж так и не нашелся, но это расстраивало Мартина в последнюю очередь. Скорее всего, жена придворного лейб-лекаря давно стала вдовой. Он выпил до дна и решил, что в следующий раз пригласит госпожу Ханке покататься на лодке.

Из одного из альковов зала раздался оглушительный хохот. Наверное, компания, собравшаяся там, что-то праздновала и с большим размахом. Мартин видел, как туда часто бегал официант с озабоченным лицом. Значит, там собрались довольно знатные люди.

Размышления гвардейца прервал испуганный возглас. От столика, стоявшего через один от Мартина и госпожи Ханке, пятясь задом, отошел официант и, обернувшись вокруг себя, уставился на них ничего не выражающим взглядом. Лицо его было бледным.

– Хор всемогущий, он мертв! – воскликнул официант.

– О чем он говорил? – заморгала очаровательными глазками госпожа Ханке.

Мартин встревожился и привстал со стула. Человек, от которого отошел перепуганный официант, действительно несколько странно и безвольно развалился на своем месте. Кажется, некоторое время назад за этим столиком сидело двое.

– В чем дело? – крикнул Мартин.

Дрожащая рука в форменной накладке у манжет указала за спину.

– Что здесь происходит? – неожиданно раздался громоподобный голос из-за спины Мартина.

Одного брошенного назад взгляда хватило, чтобы сесть на место и замереть. Если бы его спросили, почему он сразу же не поприветствовал вышестоящего по званию, гвардеец вряд ли смог внятно ответить. Первый раз в жизни в нем проснулось то, что маги называли интуицией или проведением. И именно это заставило его сидеть неподвижно и не произносить ни звука.

К официанту подошел никто иной, как генерал от кавалерии Людвиг Вебер и повелительно встряхнул того за плечо.

– Этот господин умер, – пролепетал официант, болтаясь в мощных лапах, как маленькая собачонка. – Убит.

– Что? Разве в вашем заведении убивают? – генерал шагнул к столику и склонился над неподвижно сидящим человеком. – Недобрые духи меня раздери! Он действительно умер!

– Людвиг, вы снова чем-то недовольны? – раздался еще один знакомый ленивый голос, и Мартин узрел вышедшего из алькова генерала Хагена Шредера. В руке у него была бутылка, форменный колет расстегнут, а красная рубашка в пятнах. – Оставьте этих несчастных в покое, нам сейчас все принесут. Элла желает сказать тост.

Мартин шумно втянул воздух сквозь зубы. Теперь понятно, что за компания так шумно веселилась в алькове. Высшие военные чины тоже выбрали этот вечер и «Алмазное сердце». Осталось выяснить, сколько их там.

– Госпожа Ханке, сидите неподвижно и молчите, – шепотом сказал Мартин. – И распрямите плечи. Надеюсь, на нас не обратят внимания.

– Хорошо. – Ее глаза испуганно расширились. – Но что?..

– Тссс, – почти невежливо прошипел Мартин и, осторожно выглянув из-за широких рукавов госпожи Ханке, посмотрел на группу у стола с покойником.

– Убит. Заколот, как свинья, – как обычно манерно растягивая слова, вынес вердикт генерал Шредер, изящно взмахнув бутылкой. – Вы правы, Людвиг. И где хозяин этого прекрасного заведения?

– Я... Я сейчас пошлю за ним, ваше превосходительство, – застучал зубами официант и сделал шагок в сторону. – Наверное, он у себя дома, уже спит.

– Не спешите, – остановил его генерал Шредер. – Людвиг, посмотрите на его лицо. Вы знаете его?

– Возможно. – Вебер снова склонился над покойником. – Не припоминаю.

– Элла! – внезапно заорал генерал Шредер. – Идите сюда!

И генерал Элла Бауэр тоже здесь. Теперь не хватает еще генерала Фейербах. И, словно в ответ на мысли Мартина, из алькова вынырнули две упомянутые особы, одна в форме, другая в светском наряде, и прошествовали к группе у стола покойника. За ними, покачиваясь, шел адмирал королевского флота Адалберт Борн в одной красной рубахе с расстегнутым воротом, а следом несмело семенили еще четыре человека, похоже, адъютанты. Пятого тащила за собой за руку генерал Фейербах.

– Ну, и компания, – прошептал Мартин. – Сейчас начнется. Нет, нет, не двигайтесь, госпожа Ханке.

– Да это же барон Зингер, – сказала генерал Бауэр, только взглянул в лицо мертвеца. – Людвиг, вам на сегодня хватит. Уже людей забывать стали.

– Барон Зингер? – прищурился генерал Вебер и задумчиво покусал свои пышные усы. – Этот выскочка, выступавший на Большом дворянском собрании?

– Он не выступал, выступала герцогиня Оттилия, – поправила генерал Фейербах.

– Старая жаба, – вставил адмирал Борн, водружая перевязь со шпагой на стол.

– Тише, Адалберт, – шикнула генерал Бауэр. – Это неприлично.

Борн невразумительно и несогласно что-то пробурчал.

– Неприлично убивать людей во время нашего праздника, – отрезал генерал Вебер. – Пусть даже таких. Лейтенант Баумгартен, отпустите генерала Фейербах, и подойдите-ка ко мне.

– Это я его держу, Людвиг, – засмеялась Фейербах. – И отпускать пока не собираюсь. Да он и не желает этого. Правда, Рихард?

Адъютант глупо заулыбался, а генерал Вебер побагровел.

– Вы и так его совсем споили, Биргит. Отстаньте от мальчика.

Похождения генерала Фейербах были известны всему двору. Лейтенанты, попадавшие к ней в адъютанты, потом, заикаясь и краснея, рассказывали невероятные истории о талантах

генерала в постели. Однако Мартин никогда не желал оказаться в лапах генерала Биргит Фейербах, поэтому почти с сочувствием посмотрел на молодого Рихарда Баумгартена, наследника княжеского титула, и, на свою беду, симпатичного молодого человека.

– Можете дать поручение моей Шульц, – ответила генерал Фейербах. – От нее все равно никакого толку.

Вот оно что. В адъютанты к ней этим вечером попала девушка, и генералу это явно было не по нраву. Мартин смутно помнил лейтенанта Шульц, исполнительную, но довольно бесцветную особу.

– Вы невероятно глупы, если продолжаете препираться в такой ситуации, – отрезал генерал Вебер.

– Повторите! – ошетижилась Фейербах. – Вы только что назвали меня глупой? – Ее рука метнулась к шпаге.

– Не заводитесь, Биргит, – миролюбиво протянул генерал Шредер, похлопав ее по руке. – Лучше выпейте. – И он сам глотнул из бутылки.

Генерал Вебер выхватил свою шпагу и, с невероятной для его почтенного возраста ловкостью, забрался на столик, за которым сидел несчастный убитый барон.

– Господа! – провозгласил он. – Я хочу сделать заявление!

Мартин краем глаза отметил, как адъютанты неловко переминались рядом с генералами, а взоры всех в зале были прикованы к оратору на столе. Теперь гвардеец точно не жалел, что не поприветствовал генерала Людвиг Вебера. Дело пахло скандалом и беспорядками, учитывая состояние всей компании четырех генералов и одного адмирала. А об убийстве барона Зингера, несомненно, следовало доложить генералу-регенту и как можно скорее. Но встать и уйти нельзя. Замеченный генералами лейтенант Фойгт мог быть, помимо воли, втянут во всю историю. А участвовать в пьяном скандале в центральном ресторане столицы ему хотелось меньше всего. Хорошо, что госпожа Ханке сидела тихо и не устраивала истерику. Только испуганно хлопала своими длинными светлыми ресницами.

Генерал Вебер со свистом рассек воздух шпагой. Его усы воинственно топорщились.

– Сегодня, чуть ли не на наших глазах, кто-то посмел убить барона Зингера. И это в «Алмазном сердце», среди множества людей! Какая неслыханная дерзость! Я заявляю, господа, что это дело требует немедленного расследования, во избежание последствий, которые может повлечь за собой.

– Каких еще последствий? – вскинулась генерал Фейербах. Она все еще сверкала глазами, а лейтенант Баумгартен блаженно прижимался к ее плечу.

– Это дело государственной важности! – воскликнул Вебер. – Или вы хотите сказать, что барона Зингера, зятя герцогини Оттилии, убили просто так?

– А он прав, – стукнул кулаком по столу адмирал Борн. – После всего, что было на собрании, неудивительно, что на барона затаили злобу.

– Людвиг, что вы предлагаете? – деловито поинтересовалась генерал Бауэр.

Тот огладил свои пышные усы и грозно обвел глазами ресторан.

– В первую очередь, необходимо блокировать все двери, чтобы никто не мог покинуть заведение. Возможно, убийца или остальные заговорщики все еще здесь.

– Лейтенант Геллер, выполняйте, – приказала Бауэр.

– Нет, позвольте, – раздался возглас из зала. – По какому праву вы запираете нас?

Несколько человек вскочили из-за своих столиков и бросились к генералам. Мартин, проклиная тот день, когда решил пригласить госпожу Ханке в «Алмазное сердце» именно в этот вечер, вцепился в эфес шпаги. Если начнется свалка, придется вмешаться.

– Да, это неслыханно. Я барон...

Мартин не заметил движения, которым престарелый генерал Вебер вытащил пистолет. В зале прогремел оглушительный выстрел, и часть свечей с огромной роскошной люстры, гордости ресторана, посыпалась на пол.

– Всем вернуться на свои места! – заорал Вебер. – Никто не покинет «Алмазное сердце», пока не прояснится это убийство. Здесь возможен заговор против ее выс... велич... то есть при... принцессы Вильгельмины! Кто попытается дернуться, будет признан виновным и убит на месте!

– Вы носите с собой заряженный пистолет? – присвистнул генерал Шредер. Он допил свою бутылку, отбросил ее в сторону, схватил за шкирку трясущегося официанта и толкнул его в сторону кухни. – Еще милейший. На всех. И быстро.

– Да уж, прийти на мои именины с заряженным оружием... – покачал головой адмирал Борн, покачнувшись сам и опустился на заботливо подставленный адъютантом стул.

– Ваше превосходительство, двери заперты, – жизнерадостно доложил лейтенант Геллер генералу Бауэр. – Будут еще приказания?

– Забаррикадируйте тяжелыми стульями, – приказала Бауэр. – И соберите вместе служащих.

– Есть, – вытянулся лейтенант и умчался.

– Этим делом занимаюсь я! – воскликнул генерал Вебер. – И я требую, чтобы все гости сидели на своих местах и ждали, пока их допросят. – Он бросил пистолет лейтенанту Баумгартену. – Зарядите.

По залу пронесся недовольный гул, но никто открыто уже не осмеливался противостоять не в меру разошедшемуся генералу. Никому не хотелось закончить прекрасный ужин в «Алмазном сердце» в тюрьме, лечебнице или склепе.

– Лейтенант Шульц, зарядите, – проорала Фейербах, отнимая пистолет у Баумгартена и передавая его девушке с острым носом и конопатым лицом. Совершенно по-дурацки улыбающийся Рихард Баумгартен развалился на стуле рядом с генералом, периодически целуя ей ручку.

– И мой тоже зарядите, – заявила генерал Бауэр, вынимая пистолет.

– Ну, тогда уж и мой. Только я не помню, где он, – пожал плечами генерал Шредер. – И где этот поганец с выпивкой? – Он повертел головой.

Генерал Вебер проигнорировал наглость Фейербах, соскочил со стола и снова взмахнул шпагой.

– Итак. Барон Зингер был убит сегодня вечером. Мы все свидетели этого.

– Мы ничего не видели, – возразила Фейербах, устраиваясь на коленях Рихарда Баумгартена.

– У нас есть тело с колотой раной. И улика. – Вебер с трудом вытащил из груди покойника какое-то длинное оружие и победоносно помахал им в воздухе. Тело убиенного барона окончательно обмякло на стуле и завалилось на бок. – Надо выяснить, кому он принадлежит.

– Ваше превосходительство, двери забаррикадированы, – отвечивший лейтенант Геллер. – Повара и прислуга заперты в отдельном помещении.

– Прекрасно, – махнула рукой Бауэр. – Теперь можно начинать допрос, Людвиг.

– Вино, господа, – торжественно произнес генерал Шредер, отнимая у официанта бутылки и отправляя его назад уже пинком.

– А этот почему здесь? – нахмурилась Бауэр, осматривая стоящего на карачках официанта. – Лейтенант Геллер, заprite его вместе с остальными.

– А кто нас будет обслуживать? – возразил Шредер. – Если следствие затянется на свою ночь?

– Вы правы. Лейтенант Геллер, отставить. – Бауэр потянулась за бутылкой, одним взмахом шпаги отколола у той горлышко, и огляделась в поисках бокала.

– Ваш пистолет, ваше превосходительство, – пропищала лейтенант Шульц. – И бокал.

Бокал был отобран у какого-то гостя, но тот даже не шевельнулся, чтобы возразить. Теперь не только Мартин понимал, что с пьяными генералами даже разговаривать бесполезно. Оставалось только надеяться, что кому-нибудь удалось выйти из ресторана, добраться до дворца и сообщить генералу-регенту. А сейчас следовало позаботиться о том, чтобы Вебер со своими допросами не добрался до него. Мартин жестом показал госпоже Ханке оставаться на месте, а сам нырнул под стол и бесшумно переместился под соседний, стоявший сзади, у стены. Здесь был удобный наблюдательный пункт и меньше шансов, что его заметят.

Между тем, генералы, подкрепившись принесенным вином, принялись за гостей. Усердствовали только Вебер и Бауэр. Генерал Фейербах, уже никого не стесняясь, целовалась с лейтенантом Баумгартеном, сбросив свою накидку и его колет на пол. Шредер ходил с бутылкой, пел песни и предлагал всем гостям выпить за его счет, а адмирал Борн, сегодняшний именинник, спал, уронив голову на свою перевязь, лежащую на столе. Его громкий храп довершал всю нелепость представления, разыгрывавшегося сегодня в «Алмазном сердце».

Адъютанты, хлебнув так щедро раздаваемой Шредером выпивки, ощутили свою безнаказанность, и принялись кидать столовые ножи в поставленный на бок стол, соревнуясь в меткости. Ножи, ударяясь тупыми концами, резко отскакивали от поверхности, приводя нетрезвых адъютантов в неопикуемый восторг. Один нож, пущенный неверной рукой лейтенанта Шульц, чуть не попал в того несчастного официанта, который, наверное, за эту ночь поседел, не дотянув до старости.

В самый разгар фарса, когда Вебер и Бауэр, не поделив чего-то или не сошедшись во мнениях насчет убийства, перевернули пару столов, сломали несколько стульев и намеревались проткнуть друг друга шпагами, громкий выстрел снаружи разбил вдребезги одно из больших окон.

Адмирал Борн всхрапнул, дернулся и, подняв голову, обвел зал мутным взглядом. Генерал Фейербах с грохотом упала со стула вместе с несостоявшимся любовником. Генерал Шредер судорожно икнул и уронил очередную бутылку, облив себя вином. Генералы Вебер и Бауэр застыли друг напротив друга с оружием. Причем в левой руке Бауэр держала ножку стола. Четыре адъютанта стояли, открыв рты. Лейтенант Геллер прижимал к своей груди несколько столовых ножей.

Из темного проема, топчя сапогами стеклянное крошево, шагнул генерал Гюнтер Зольмс. И высунувшийся из-под стола лейтенант Мартин Фойгт готов был кинуться ему на шею. Никогда его так не радовало появление начальства.

Генерал Зольмс мрачно осмотрел картину разрушений и застывших присутствующих, положил разряженный пистолет на ближайший стол и вытащил другой. Держа его опущенным, он прошел по разгромленному залу к Веберу и Бауэр и остановился, молча глядя на них.

– До... добрый вечер, Гюнтер, – заулыбался Шредер и, пытаясь оттереть заляпанные колет и рубаху, нетвердым шагом двинулся навстречу. Но пятна становились только больше и ярче. – Позвольте угостить вас.

– Генерал Вебер, будьте добры объяснить, что здесь происходит. – Зольмс даже не посмотрел на еле стоявшего на ногах Шредера, сразу же вычислив зачинщика. – Генерал Бауэр, извольте убрать оружие. – Он кивнул на ножку стола. – И это тоже.

Мартин увидел, как завожилась Фейербах, неловко выбираясь из-под Рихарда Баумгартена, и тоже решил показаться, чтобы сделать доклад. Но его неожиданно опередили.

– Генерал лейб-гвардии Зольмс, если не ошибаюсь? – Из-за столика в одном из альковов поднялся темноволосый человек в черном бархатном колете, подчеркивавшим ослепительную белизну манжет и воротника рубашки. – Вы вовремя. Сегодня в «Алмазном сердце» чересчур шумно.

Мартин во все глаза смотрел на герцога Максимилиана, который, по расчетам гвардейца и всего двора, должен был быть на пути в свое Высокогорье. А оказывается, он остался в столице и в этот роковой для «Алмазного сердца» вечер тихо просидел за столиком с дамой. Он тоже не желал вмешиваться и ждал. Вот только чего?

– К вашим услугам, ваша светлость, – коротко поклонился генерал Зольмс. – Генерал Вебер, мне все еще интересен ответ.

– Я выполнял свой долг, – прорычал тот, пряча шпагу в ножны. – Здесь произошло убийство.

– Вот как? И кого же убили, что вы так усердно это отмечали?

Однако, генерал Зольмс не чужд сарказма.

– Отмечали мы мои именины, – неразборчиво пробормотал все еще сонный адмирал Борн.

– Празднование затянулось, господа. И расследование тоже, – заявил Зольмс. – Где служащие ресторана?

– Заперты в подсобном помещении, ваше превосходительство, – не слишком четко доложил подскочивший лейтенант Геллер.

Зольмс смерил его взглядом, и лейтенант уронил ножи, которые все еще держал в руках.

– Немедленно выпустить всех. И пусть освободят дверь.

По лицу Бауэр читалось, что она недовольна тем, как распоряжались ее адъютантом, но воспротивиться уже не могла. Присутствие генерала лейб-гвардии Зольмса вместе с присутствующим в зале герцогом Максимилианом оказало на распоясавшихся генералов отрезвляющее действие. Несомненно, о сегодняшней ночи будет доложено генералу-регенту, причем Зольмс подкрепит свой доклад словами герцога крови. Возможно, перевязи никого не лишат, но выговор сделают или вынесут предупреждение. И когда королева все-таки взойдет на престол, с назначением нового генералиссимуса уже сложностей не возникнет – четверо претендентов выбыли из списка. Пожилой адмирал Борн вообще рискует отправиться на заслуженный отдых.

– Все гости могут отправляться по домам, – громко сказал Зольмс и посмотрел на Мартина, окончательно покинувшего свое временное убежище. – Лейтенант Фойгт, вы мне понадобитесь.

– Позвольте, я прослежу, чтобы мою спутницу проводили, – попросил Мартин и, дождавшись кивка Зольмса, быстро раскланялся с совершенно растерявшейся Бертой, приставил к ней ресторанного лакея и пообещал в ближайшее время дать о себе знать. В чем сам лично сомневался. После происшествия дел во дворце прибавится и поручений от генерала-регента тоже. Мартин отметил, что дама герцога Максимилиана уже успела покинуть заведение, и никто не заметил, когда. Похоже, она не хотела, чтобы ей заинтересовались. Замужняя любовница?

После того, как расчистили дверь, приободрили до смерти перепуганных официантов и прислугу, с извинениями проводили посетителей, генерал Зольмс занялся забытым покойником. Провинившиеся генералы сидели на стульях и, все как один, мрачно смотрели перед собой. Притихшие адъютанты толпились сзади.

– Так. Барон Михаэль Зингер. Безусловно, это наводит на размышления. – Генерал Зольмс поправил почти упавшее со стула тело. А это еще что? – Он наклонился к полу за чем-то светлым.

– Похоже, записка, – кашлянул Мартин. – И как ее не заметили?

Ответа на вопрос не требовалось.

– Кто-то положил ее за одежду убитого, – нахмурился Зольмс.

– С ним сидел мужчина, – сказал Мартин. – Но лица я не запомнил.

– Полагаю, вы должны идти во дворец, генерал, – протянул Максимилиан. – Не буду вам мешать. Что касается меня, то я зверски хочу спать. Передайте генералу-регенту, что завтра я полностью к ее услугам, если понадобится, конечно.

– Доброй ночи, ваша светлость, – наклонил голову Зольмс.

Пять высших чинов встали, угрюмо проводили герцога взглядом, и снова уселись. Выглядели они скверно. Роскошные усы Вебера обвисли, Борн постоянно ронял голову, мучительно борясь со сном. Бауэр и Фейербах с опухшими лицами пили принесенную воду с лимоном, старательно глядя в пол. Один Шредер был относительно бодр, но его заляпанная вином и едой форма и багровые воспаленные глаза делали его похожим на последнего бродягу-плотгонщик.

– Что ж. – Генерал Зольмс спрятал записку и взял со стола стилет, которым закололи барона Зингера. – Думаю, нам всем тоже пора. Адъютанты в состоянии доставить вас домой, господи?

Генерал Вебер метнул злобный взгляд на генерала Фейербах.

– Надеюсь, – прохрипел он.

Вилайет Сэдыр, Сурида

Пальцы были в чернилах, и даже платье немного забрызгано, но это все мелочи. Гонец с письмом ускакал, и ей тоже следует поторопиться, чтобы как можно скорее увидеть отца.

– Айдын ага!

Дверь распахнулась, и старший слуга замер в почтительном поклоне.

– Он еще не пришел в себя?

– Увы, эмирын хазретлери эфенди, – развел тот руками. – Лекарь говорит, у него лихорадка. Вероятно, она вызвана раной на лице.

– У него внешность и одежда знатного человека. Нельзя, чтобы он умер. – Джайлан сердито мотнула головой и отошла от окна. – Пригласите еще лекарей, если ваш не справляется.

– Но это лучший лекарь Кадира хана эфенди, – залепетал слуга. – Он давно живет во дворце и...

– Айдын ага! – перебила его Джайлан. – Делай, как велено! Если незнакомец умрет, виноват будешь лично ты.

– Как прикажете, эмирын хазретлери эфенди, – со вздохом поклонился слуга и вышел.

Раненого незнакомого юношу слуги Джайлан заметили в зарослях миндаля на горной дороге. После посещения одного из храмов, чтобы усыпить возможные подозрения сестры или эмиры, эмирын отправилась прямо в Сэдыр, во дворец Кадира, надеясь найти здесь ответы на свои вопросы.

Сына эмиры Гюльбахар дома не оказалось, как и басэмирана Озана. Зато были слуги и стража, все, как один, либо молчавшие, либо имевшие наглость лгать прямо в глаза своей эмирын. Потому что, как давно подозревала Джайлан, за исчезновением ее кузена и его брата стояло нечто большее, чем приказ эмира. И это «большее» отец и его жена скрывали ото всех. Не найдя ни единой зацепки во дворце Кадира, Джайлан бы с яростью и разочарованием вернулась в ранее посещенный храм Шаллиах, если бы не раненый незнакомец. Еще в паланкине, расстегивая тугой колет, Джайлан нашла странного вида пакет с бумагами. И незамедлительно прочитала их.

Во дворце Джайлан поручила местному лекарю найденного юношу, а сама принялась писать длинное письмо, на которое ушел весь вечер и часть ночи. Гонец ускакал совсем недавно. Отдав распоряжения Айдыну аге, Джайлан вышла из покоев и направилась навестить больного.

В комнате было светло от множества горящих свечей. Лекарь сидел в углу и что-то толлок в ступке.

– Здесь слишком душно, – скривилась Джайлан, подходя к широкой кровати и склоняясь над раненым. – Он умрет не от раны и лихорадки, а от недостатка воздуха.

– Все окна открыты, эмирын хазретлери эфенди, – поднял голову лекарь.

– Значит, надо погасить половину свечей, – возразила эмирын. – Поразительно, что шах Кадир не выгнал вас, вы настоящий коновал, а не лекарь!

– Но эмирын хазр...

– Убирайтесь с глаз моих! И пока не позову, не появляйтесь!

Незнакомец, одетый в одну рубаху и прикрытый легким одеялом, казалось, спал, но спал очень беспокойно. Он тяжело дышал, руки комкали простыни, на лбу выступил пот, а ткань, наложенная на зашитую рану на щеке, снова пропиталась кровью. Несмотря на измученный вид и изувеченное лицо, незнакомец был довольно красив, и Джайлан который раз пожалела, что она не так молода, как он. Впрочем, надо будет навестить его, когда он выздоровеет, и узнать имя и происхождение. И, конечно же, до этого никто не должен знать о нем. Слуги уверили ее, что Кадир редко появляется в своем дворце, так что никто не помешает ее планам.

Она отошла от кровати, прошлась по покоям, гася свечи, и остановилась перед большим зеркалом. Джайлан откинула назад свои густые волосы, прищурившись, внимательно осмотрела себя и провела пальцами по мелким морщинкам у глаз, вокруг рта и на шее. Она все еще красива и достойна лучшей доли, чем бессмысленное прозябание в отцовском дворце. С юности Джайлан пытались выдать замуж за самых прославленных пашей и шахов, потом за их сыновей, потом приглашали во дворец наиболее доблестных беев, и, в конце концов, оставили ее в покое. Поскольку она отвергла всех. Старшая дочь эмира мечтала выйти за иноземного принца и покинуть Суриду. Она хотела быть королевой.

Судьба обошлась с ней несправедливо, одарив своим вниманием ее младшую сестру Нихан. Разве могла она, эта капризная избалованная особа, стать достойной королевой? Несомненно, Джайлан должна была выйти за кронпринца, чтобы потом по праву сесть на трон рядом со своим мужем. Она была бы великой королевой, если бы все сложилось иначе. Но поздно жалеть о прошлом, следует позаботиться о настоящем.

Ей теперь не нужно завлекать жалких дворцовых стражников, хотя некоторые из них довольно привлекательны. Она не просто так нашла на дороге этого загадочного знатного иноземца, его привело к ней проведение. Пусть сестры кичатся перед ней своими мужьями. Старшей из них недолго осталось это делать, а у другой есть пока только жених. Одного Первого визирия, кстати, хозяина этого роскошного дворца, отец казнил когда-то, и Мустафа паша также не бессмертен и уж точно небезгрешен. А без могущественного отца сыновья становятся никем и легкой добычей для недругов. Посмотрим, как запоет Эсма, когда падет Мустафа паша.

Тихий стон заставил Джайлан отойти от зеркала. Незнакомец метался во сне и, когда Джайлан склонилась над ним, он открыл глаза и уставился на нее невидящим взором темных карих глаз. Эмирын коснулась рукой его здоровой щеки и провела по шее и груди. Он был горячим, как печка.

– Эй, кто-нибудь! – закричала она.

В покоях появилась местная девушка-служанка.

– Где этот никчемный лекарь? – крикнула Джайлан. – Приведи его сюда, больному совсем плохо.

– Хорошо, эмирын хазретлери эфенди.

– Потом зайди в мои покои и предупреди слуг, чтобы собирались. Утром мы выезжаем. Девушка кивнула и вышла.

Какие все-таки здесь наглые и неторопливые слуги. Неудивительно, ведь ни тетушка Гюльбахар, ни Кадир не следят за ними. Джайлан прошлась из угла в угол, а потом снова присела рядом с раненым.

В покоях наконец-то появился лекарь.

– Где вас носит? – недовольно воскликнула Джайлан. – Он весь горит!

Лекарь ничего не ответил, только склонился над кроватью, и Джайлан пришлось встать, чтобы освободить ему место.

– Скоро придет Айдын ага с другим лекарем. Не вздумайте ему мешать, особенно если он соображает лучше вас. А если мой гость умрет, все будут казнены, так и знайте!

Лекарь поил больного каким-то отваром и снова не сказал ни слова. Только чуть склонил голову. Потрясающая дерзость! Если бы не необходимость срочно ехать в столицу, она бы позаботилась о том, чтобы преподать этому непочтительному зелейнику пару уроков вежливости. К сожалению, она не могла надолго задержаться здесь, отцу необходимо узнать все новости.

Джайлан кинула последний взгляд на красивое лицо молодого человека, находившегося в забытии, и отправилась к себе в покои.

Особняк герцогини Оттилии, столица, Илеханд.

– Ждите меня здесь, – приказала Ингрид сопровождающим и шагнула к двери особняка.

Лейтенант Мартин Фойгт быстро расставил подчиненных по периметру небольшого двора, словно всерьез ожидая, что в доме прячутся заговорщики, и генерала-регента придется спасать из засады. В другое время Ингрид бы посмеялась.

– Генерал-регент Ингрид Рихтер, – доложил дворецкий, и пустил ее в просторную гостиную. – Ее светлость ждет вас.

«Сомневаюсь», – подумала Ингрид, рассматривая Оттилию, как всегда прямую, как палка, восседающую на мягком диване в своих неизменных мехах. На столике перед ней стояли чайник, чашка и тарелка с бутербродами.

– Принесите чашку для ее высокопревосходительства, – слабым дребезжащим голосом приказала герцогиня. – Пожалуйста, присаживайтесь. Я вас внимательно слушаю.

Помнится, на Большом дворянском собрании этот дребезжащий голос звучал по-другому. Так ли она немощна, какой кажется? Девяносто лет не шутка. Перед Ингрид сидела целая эпоха, человек, помнящий давно умерших королей и переживший множество своих ровесников.

– У меня для вас плохие новости, – начала Ингрид. – В доме есть лекарь?

– Есть, но пока он мне не требуется, – оскорблено поджала морщинистые губы Оттилия.

– Как знаете. Сегодня ночью в ресторане «Алмазное сердце» был убит ваш зять, барон Михаэль Зингер.

Слуга внес еще один чайный прибор, и Ингрид внимательно смотрела, как герцогиня осторожно касается чайника сведенными артритом пальцами и разливает чай по чашкам.

– Простите, генерал-регент, вы, должно быть, шутите.

Ингрид потеряла дар речи. Вместо того чтобы схватиться за сердце или хотя бы удивленно заохать, старуха хладнокровно разливает чай и говорит про какие-то шутки. Не она ли прикончила своего зятя?

– Не имею привычки так скверно шутить, герцогиня, – сухо сказала Ингрид, поднимая свою чашку и делая глоток. Чай был превосходный.

Оттилия откусила кусок бутерброда с маслом, паштетом и зеленью и принялась сосредоточенно жевать. Похоже, еще было, чем. На лице у нее при этом отражалась глубокая работа мысли. Стряхнув крошки с пальцев, она в упор посмотрела на Ингрид.

– Не представляю, кому могло понадобиться убивать моего зятя, – сказала она своим скрипучим, но уже не дребезжащим голосом. – Это совершенно бессмысленно.

В глубине души Ингрид была с ней согласна. Выслушав ранний доклад генерала Зольмса, она сама была уверена, что ее разыгрывают. Хотя розыгрыши это последнее, в чем можно было заподозрить Гюнтера Зольмса. Если неизвестные заговорщики хотели преградить путь к трону малолетней внучке барона, то убивать следовало ее отца, мать, герцогиню Оттилию, в конце концов, но не барона Зингера. От его смерти никто не выигрывал.

– Скажите, фрейлина Иоганна Зингер сейчас в вашем особняке?

– Я сама сообщу ей о смерти деда, не обязательно себя утруждать этим, – нахмурилась Оттилия.

– Дело не только в этом. Мне необходимо задать ей пару вопросов.

– Выпейте еще чаю, генерал-регент, – улыбнулась Оттилия.

Что ж, похоже, сама старуха не собирается рассказывать. Придется действовать открыто и жестко.

Ингрид послушно налила себе чай и подцепила с тарелки бутерброд.

– К сожалению, Иоганна плохо себя чувствует. – Герцогиня сделала скорбную мину. – Бедняжка в постели. Иначе я с удовольствием позвала ее к нашему милому завтраку.

– Когда похитили ее ребенка? – прямо спросила Ингрид. – И почему не доложили мне?

Оттилия не удержала в руках чашку, и ее осколки усыпали выложенный наборным паркетом пол гостиной. Но герцогиня не позвала слугу. Она тяжело вздохнула, побледнела, но тут же еще больше выпрямилась и сильнее закуталась в меха.

– Это семейное дело, – заявила она.

– Вы ошибаетесь. Похищение третьей в очереди претендентки на трон не может быть вашим семейным делом, – холодно ответила Ингрид. – О семейных делах следовало подумать прежде, чем заявлять о себе на Большом дворянском собрании.

Оттилия булькнула что-то возмущенное.

– Неожиданное и поспешное бегство Конрада из дворца связано с похищением? – продолжила Ингрид.

Герцогиня Оттилия гневно поджала губы, выпучила глаза, и теперь действительно напоминала жабу.

– Бегство? Вот как вы подумали. Так поступил бы любой отец, – проскрипела она.

– Безусловно. Но герцог и отец наследницы престола не пускается в одиночку в авантюрное приключение. Или письмо не было анонимным?

– Не было никакого письма, – недовольно произнесла Оттилия, внезапно успокоившись. Злая жаба исчезла, на диванчике вновь сидела почтенная герцогиня Жабьего Пруда. – Два дня назад пришла весть из замка Зингер, что маленькую Гертруду украли. Иоганна была безутешна, и Конрад незамедлительно отправился в Морскую Длань.

– К своему брату?

– Гертруда у него, – кивнула Оттилия.

– Почему вы все скрыли? – повторила вопрос Ингрид, но, увидев поджатые губы герцогини, покачала головой. – Можете не отвечать. И учтите, ваша всеобщая самонадеянность не приведет к добру. Один член вашей дружной семьи уже выпал из игры.

Она встала, взяла брошенную на стол шляпу и коротко кивнула застывшей, словно лед, Оттилии.

– Спасибо за завтрак, герцогиня. Надеюсь, не нужно предупреждать, что ни вы, ни ваша правнучка не должны покидать столицу, пока все не уладится.

Выходя из гостиной, Ингрид услышала голос Оттилии, приказывающей слуге принести ее капли. Проняло все-таки старуху. Оставалось надеяться, что она не скончается в ближайшее время и Ингрид не придется винить себя в ее смерти.

– Все в порядке, ваше высокопревосходительство? – осведомился лейтенант Мартин.

– В полном, – кивнула Ингрид. – Возвращаемся во дворец. У меня встреча с кавалером Риделем, позаботьтесь, чтобы нас не побеспокоили.

Королевский дворец, столица, Илеханд

– Не много ли у нас Зигфрида Корфа? – рассуждал Рудольф, подставив лицо утреннему солнцу и блаженно жмурясь. – Мы должны выбрать – или он покушался на кронпринцессу Вильгельмину, а потом украл или убил ее, или похитил племянницу и убил барона. Только зачем?

Ингрид тоже хотела любоваться солнышком, но была слишком собрана и напряжена. Она заерзала на неудобной скамейке. И как у Рудольфа получается расслабляться даже в самое неподходящее время?

– Надо рассуждать по порядку, – выдохнула она. – Зигфрид Корф стоял во главе заговора против принцессы. Он устранил ее, явился на собрание с целью заявить права на трон, но ему помешал воскресший брат. Стремясь избавиться от него и его семьи, он похищает младенца, чтобы расчистить себе дорогу. А после...

– А после зовет барона ужинать в «Алмазное сердце» и убивает его, – закончил Рудольф и выпрямился. – Причем перед этим заботливо отдает ему записку, где сказано о местонахождении ребенка. Полная бессмыслица.

Ингрид взглянула на него исподлобья.

– Тогда попробуй ты, – недовольно проворчала она.

– Я перебрал тех, кому выгодна смерть Зингера. – Рудольф снова развалился на скамье, закинув руки за голову. – Вне зависимости от их жажды трона. Не считая внучки барона Иоганны, которая получает сомнительные баронские земли...

– Они могут стать не такими сомнительными, если она так и останется вдовой, а не женой герцога Морской Длани, – вставила Ингрид.

Рудольф кивнул.

– Это возможно. Особенно, если она не доверяет мужу.

– Я бы ему точно не доверяла. Умчался в одиночку призывать к ответу брата, не разобравшись в ситуации.

– У тебя государственный ум, Ингрид. А такой дар дается не всем.

Ее настроение определенно улучшилось после такой похвалы. Все-таки Рудольф знает, чем ее можно порадовать, даже не заостряя на этом внимания. Редко какой мужчина бывает мастером комплиментов мимоходом. Она посмотрела на его запрокинутое лицо, четко очерченные тонкие, но чувственные губы, мелкие морщинки вокруг прищуренных глаз, и сердце наполнила нежность. Между тем, объект любования продолжал греться на солнышке и рассуждать.

– Кроме нашей милой красавицы Иоганны, есть еще герцогиня Бертильда. Теперь мне понятно ее странное поведение на собрании. У покойного барона Зингера находилась закладная на одно из ее имений.

– Что? – подскочила Ингрид и устало опустила плечи. – И здесь целый заговор!

– Не совсем. Герцогиня Бертильда ухитрилась проиграть барону в карты. Такое с ней случается довольно часто, но здесь проигрыш был слишком крупным и обидным. Большой кусок Золотых Дубов, причем памятный, пожалованный королевой Гертрудой родоначальнице герцогской линии Бертильды. Возможно, на нее надавили и запугали, поэтому на собрании она опасалась открыто противоречить Оттилии. Но когда пришла в себя, решила наказать наглецов. Она приказала похитить претендентку на трон, спрятала ее и потребовала от барона закладную. Но когда ее агент явился в «Алмазное сердце», то оказалось, что барон уже успел

узнать, где его правнучка, и отказался выполнить требования. И агент Бертильды убил его, чтобы избежать разоблачения герцогини в похищении ребенка и шантаже.

– Хм, – глубокомысленно прокашлялась Ингрид. – Но зачем барон вообще пошел на встречу, если знал, где искать ребенка?

Рудольф пожал плечами.

– Решил устроить Бертильду. Пожалел ее и захотел просто так отдать закладную. Впал в старческое слабоумие, наконец. Не знаю. В любом случае, это пока самое правдоподобное объяснение непонятного убийства.

Ингрид внимательно посмотрела на него.

– Не очень. Если барон был добрым маразматиком, зачем его надо было убивать?

Рудольф поморщился.

– Убийца тоже был маразматиком. В этом случае Зигфрид Корф находится вне подозрений.

– Хорошо. – Ингрид встала и прошла по беседке. – Вот ты – барон Зингер.

– Постараюсь представить, – Рудольф улыбнулся.

– В молодости ты удачно женился на сестре принца-консорта, получил титул и земли, но всегда мечтал о большем. Спустя много лет твоя внучка наконец-то оправдала надежды, заключив пусть тайный, но брак, с герцогом Морской Длани. Ценный зять внезапно умирает. Ты пребываешь в отчаянии, которое скрашивает лишь беременность внучки. Ведь герцогский ребенок это тоже неплохо. Потом выясняется, что умерший зять выжил, и ты вместе с ним и своей тещей решаешь стать королевской семьей, а именно посадить на трон младенца, которого в порыве тщеславия назвал Гертрудой. Ты устраняешь законную наследницу престола и с помощью герцогини Оттилии устраиваешь раскол на Большом дворянском собрании. Неожиданный соперник, Зигфрид Корф, с позором покидает замок, и можно ликовать. Ведь у генерала-регента нет никакой принцессы, ты точно знаешь, что ее вообще нигде нет. И вот, когда триумф совсем близок, случается ужасное. Сначала тебе приходит весть из замка о похищении правнучки, которую ты уже видишь королевой, а потом приглашение на встречу в «Алмазном сердце». Неизвестный тебе негодяй грозит убить ребенка. – Ингрид замолчала, чтобы перевести дух.

– Я впечатлен, – покачал головой Рудольф. – Не то чтобы я почувствовал себя беспринципным, жаждущим власти бароном... – Он неопределенно помахал рукой. – Продолжай.

– А дальше вопрос. В каком случае ты бы согласился прийти?

– Если бы к тому времени не знал, где ребенок, то пришел бы. Любое приличное место, у всех на виду. – Рудольф неожиданно замолчал и нахмурился.

– Он не ожидал, что его убьют, – подсказала Ингрид.

– Конечно, не ожидал, – медленно произнес Рудольф. – Его очень ловко выманили. Убийца – профессионал. Никаких спонтанных ссор или решений. Он вызвал барона Зингера затем, чтобы убить его. Точный удар в сердце, отсутствие следов, свидетели ничего не видели или не запомнили.

Ингрид расширила глаза и вернулась на место рядом с Рудольфом.

– Моя голова сейчас взорвется.

Рудольф глубоко вздохнул, обнял Ингрид за талию и крепко прижал ее к себе.

– Всегда есть то, о чем мы не знаем. И я сильно сомневаюсь, что это закладная на земли герцогини Бертильды.

Когда Ингрид зашла в свой приемный кабинет, отчет генерала Зольмса о событиях в «Алмазном сердце» уже лежал на столе, а провинившиеся генералы и адмирал стояли в ряд, выпрямившись и устремив глаза в пол. Пять неудачливых адъютантов уже отправились на почетную службу, читай ссылку, в Горный замок. В том числе и наследник князя Баумгартена.

Ингрид пробежала глазами бумагу и, убедившись, что устрашающая пауза достаточно затянулась, кашлянула.

– Итак. Я буду кратка.

Она вышла из-за стола и медленно прошла по ковру, заложив за спину руки.

– Вы понимаете, что в сложившейся ситуации мне меньше всего нужны ваши объяснения и оправдания. Поскольку они бессмысленны. Смысл будут иметь только ваше искреннее раскаяние и понимание всей недопустимости ваших поступков. В то время, когда кронпринцессе и государству в ее лице угрожает опасность, вы, гордость аристократии и пример низшим званиям, порочите и позорите нашу великую страну. Мало того, вы выставяете этот позор напоказ, нисколько не стесняясь. Мне страшно представить, что будет в военное время, если в мирное наши генералы и адмиралы так легко идут на поводу своих низменных страстишек. Подданные королевства должны видеть в армии и флоте и тех, кто стоит во главе их, надежную защиту, а не шайку разбойников.

Ингрид, чеканя шаг, еще раз прошла мимо вытянувшихся по струнке пяти человек, сделала пару шагов в другую сторону и остановилась напротив них, буравя виновных тяжелым взглядом.

– Генерал Вебер и генерал Бауэр, вы превысили свои полномочия, отдавая возмутительные приказы и нарушая покой почтенных подданных королевства, и нанесли материальный ущерб ресторану «Алмазное сердце».

Генерал Вебер грустно выдохнул в усы, а генерал Бауэр сжала губы в тонкую бесцветную линию.

– Генерал Шредер и адмирал Борн. Ваше неумение держать себя в руках и злоупотребление алкогольными напитками привело вас к невременному состоянию и скандальному и недопустимому поведению. Вы опозорили и свои звания, и форму, которую носите.

Генерал и адмирал шумно задышали.

– Генерал Фейербах, в нашей армии недопустимы неуставные отношения. С личной жизнью положено разбираться в отведенных для этого местах, и уж точно не в публичном заведении, на глазах у низших чинов.

Увидев, как залились краской уши генерала Фейербах, Ингрид удовлетворенно кивнула себе и нарочито медленным шагом вернулась за стол.

– Всем вам вынесено предупреждение о неполном служебном соответствии. Пока первое и, надеюсь, последнее. Было бы донельзя прискорбно потерять сразу четырех генералов и талантливого адмирала. Ущерб, нанесенный «Алмазному сердцу» покроют из ваших личных средств. Свободны.

После ухода пристыженных дебоширов в кабинете воцарилась тишина. Но ненадолго – дверь скрипнула.

– Круто ты с ними.

Перед столом стояла капитан Элвира Ротман. Ингрид устало провела рукой по лбу.

– Знала бы ты, что они натворили.

– Уже наслышана, – чуть улыбнулась Элвира. – Надеюсь, «Алмазное сердце» быстро оправится.

– Да.

Повисла пауза, во время которой Элвира переминалась с ноги на ногу. Вызывая во дворец Элвиру, Ингрид не знала, как начать разговор, и сейчас он не клеился. Ингрид смущенно кашлянула.

– Как дела в тюрьме?

Элвира опустила глаза:

– Не считая того побега, все в порядке. – Она подняла взгляд и, чуть задрвав подбородок, прямо посмотрела на Ингрид. – Я ждала, по меньшей мере, строгого выговора.

– Строгий выговор получила я, – сказала Ингрид. – От самой себя. Вероятно, к концу сезона мне придется выписать себе неполное служебное соответствие.

– Нашли кого-нибудь? – спросила Элвира.

– Нет. И никаких зацепок.

– А принцесса?

Ингрид со вздохом покачала головой:

– А ты сама как думаешь?

– Зигфрид Корф?

– Я была бы самым счастливым человеком в мире, если бы во всем оказался виноват Зигфрид Корф. – Ингрид оперлась руками на стол и встала. Все-таки молодец Элвира, у нее получилось сгладить разговор. – Ты не желаешь пообедать?

Теперь Элвира растерялась и замешкалась.

– В офицерской столовой, раз уж «Алмазное сердце» разгромлено.

– Хо...хорошо, – проговорила Элвира и добавила совсем уже тихо. – Так ты не злишься на меня?

– За связь с капитаном Морской Длани или за Кьяру? – задумчиво спросила Ингрид.

– И за скандал с кавалером Риделем, – мрачно кивнула Элвира. – Побег из тюрьмы я даже не упоминаю.

– В побеге я виновата не меньше тебя. А выпустить сестру Корфов было мудрым решением, от этой семейки и так последнее время одна головная боль.

– Кавалер Ридель все еще считает меня предателем? – мрачно буркнула Элвира.

– Нет. Он признал, что... погорячился.

– Рада слышать. Я тоже несколько... вышла из себя. Если бы я его проткнула, ты бы меня не простила.

Ингрид искренне рассмеялась.

– Пошли в столовую. – Элвира уже выходила за дверь. – Так кого прикончили в «Алмазном сердце»?

Глава 5

Вилайет Сэдыр, Сурида

Потолок был не тот. Ни в апартаментах во дворце, ни в замке родителей не было всех этих мелких цветных узоров, складывающихся в неведомые цветы и пестрых птиц. От них рябило в глазах и нестерпимо хотелось снова заснуть. Лючано шевельнул рукой, затем ногой, поморщился и только сейчас ощутил, что левая половина лица как будто омертвела. Он поднял руку и дотронулся до мягкой ткани.

– Лекарь говорит, что рана заживает хорошо, – раздался рядом голос, произносящий слова на илехандском языке. – Но лихорадка вас чуть не убила.

Лючано скосил глаза и увидел сидящего на краю кровати темноволосого человека средних лет с пронизательными темно-серыми глазами.

– Кто вы? – с трудом произнес Лючано, и испугался, насколько охрип его голос.

– Хенрик ага, командир личной стражи эмиры Гюльбахар, – ответил человек. – А как ваше имя?

Сурида. Его занесло в Суриду. Вот что означает это проклятый головокружительный потолок. Но почему стражник эмиры говорит по-илехандски? И где сама эмира, если он во дворце?

– Я герцог Лючано, наследник Синих Камней, – ответил он и закрыл глаза.

– Тусарец? – судя по тону, этот Хенрик ага, кстати, странное у него имя для суридца, был озадачен. Хотя какой он, ко всем духам, суридец, если не говорит по-суридски?

– Да. – Лючано приоткрыл глаза – лицо человека над ним расплывалось. – Я в столице?

– Нет. Вы в Сэдыре, во дворце шаха вилайета Кадира хана эфенди, ваша светлость. Вы помните что-нибудь?

Лючано помнил. Отъезд из Поляны. Мать пришлось долго убеждать залезть в карету, потому что она не желала переодеваться в платье. Дорога по пыльному столичному тракту. Внезапное нападение ранним утром, между прочим, суридских наемников, поединок с неизвестным магом, удар шпаги в лицо. Затем отчаянный прыжок вперед, маска падает, открывая лицо графа Марио Риччи, и... темная пустота. Последним было ощущение всепоглощающего жара и женщина, рыжеволосая, в зеленом платье, склонившаяся над ним. Он чувствовал ее прохладные руки на своем теле. Лючано застонал и ощупал себя. Бумаги! Где бумаги? Но на нем была только чужая рубашка из тонкого шелка.

– Где моя одежда?

– Лежит недалеко от вас. Вы хотите встать?

– Нет, просто... – Лючано попытался повернуться, но тело было, словно чужое. Он отчаянно завозился на кровати, приподнимаясь на локтях. – Мои вещи... Впрочем, забудьте, все равно уже ничего не сделаешь.

Хенрик ага внимательно смотрел на него, склонив голову набок.

– При вас ничего не было, даже оружия. Наверное, вы выронили его в поединке, когда получили эту рану.

– Я хочу пить, – сказал Лючано, бессильно упал на подушки и отвернулся.

Он услышал, как человек прошелся по комнате, а потом вернулся обратно. Его тронули за плечо.

– Пейте. И вот, что я вам скажу, юноша. – Хенрик аккуратно поддержал его затылок. – Ваши страшные тайны меня мало интересуют. Если вы потеряли что-то важное, то я глубоко сочувствую. Однако мне необходимо выполнить поручение эмиры.

– Почему вы говорите по-илехандски? – спросил напившийся Лючано, в голове которого стало немного проясняться.

– Потому что ваша одежда не похожа на суридскую, – ответил Хенрик, убирая бокал с водой. – А тусарский и велийские наречия я не знаю.

– Я знаю суридский, но это не важно. Теперь все не важно.

– Вы слишком мрачны, юноша. – Хенрик скрестил на груди руки, смотря на него сверху вниз. – Неужели вас так печалит ваше испорченное красивое лицо?

– Вы ничего не знаете, – прошептал Лючано, пытаясь решить для себя, что же ему теперь делать.

– Само собой. Но хочу узнать. Пойдите, – сделал он примирительный жест ладонью, заметив, что Лючано попытался приподняться с кровати. Да что он себе вообще позволяет, этот дворцовый стражник? – Как я уже говорил, самое страшное оставьте себе. Просто расскажите мне, как вы получили эту рану и что помните о том, как оказались в Суриде. А я доскажу остальное, что знаю. И обещаю, что чтобы с вами не произошло, я помогу вам. Хорошо?

Лючано посмотрел на крепкие, сложенные на груди руки, мышцы на которых натянули тонкую ткань рубахи. Одна из этих рук могла запросто свернуть шею тусарскому герцогу, как цыпленку. Впрочем, в серых глазах Хенрика светилось сочувствие и доброжелательность, и Лючано медленно кивнул.

– На нас напали. – Он осекся, прокашлялся, и продолжил. – На меня и моего кузена, принца Джордано. Это были наемники из Суриды, и с ними неизвестный маг, с которым я и столкнулся в поединке. Он ранил меня, а потом, как мне показалось, начал колдовать. Я хотел помешать ему, кинулся вперед, схватил его и, похоже, ушел вместе с ним в портал. После я ненадолго пришел в себя и увидел рядом женщину. Но я не уверен, что мне не привиделось в бреду.

Во время краткого рассказа Лючано Хенрик ага перестал нависать над ним угрожающей тучей, присел на кровать и закивал головой.

– Вы сбили магу телепорт, юноша, – произнес он. – И счастье, что вы остались живы. Случайный телепорт очень опасен. В большинстве случаев из него не возвращаются. А тех, кто вырывается, выбрасывает неподалеку от одной из шести Башен. Почему – не знаю, но это говорят маги. Так что ваш неизвестный противник вполне может быть мертв.

– Откуда вы все это знаете? – поразился Лючано. – И перестаньте называть меня юношей.

– Как скажете, ваша светлость, – улыбнулся Хенрик. – А насчет того, что я знаю... Один мой давний друг говорил, что я слишком любопытный и всюду сую свой нос. И что когда-нибудь я поплачусь за это. Однако до сих пор от любопытства я видел только пользу. Например, подоспел к вам, как раз, когда вы очнулись.

– Не понимаю, почему вам смешно, – с безнадежным вздохом посмотрел в потолок Лючано, попытался скривить губы и охнул от тянущей боли в лице.

– По словам слуг и лекаря, – раздался голос Хенрика, уже серьезный и тихий, – вас нашла Джайлан эмирын, когда направлялась во дворец шаха Кадира. Здесь недалеко Третья Башня, так что в этом мы можем быть уверены. Джайлан эмирын поручила вас лекарю, написала какое-то письмо, отправила гонца и уехала сегодня утром.

– Млет всемогущий, – простонал Лючано. – На нас напали рано утром восьмого числа, значит, сейчас девятое. Как долго я здесь пролежал. Что же теперь будет?.. – Он осекся и закрыл лицо руками.

– Да, похоже, дело не в вашем лице, – протянул Хенрик. – Меня лично радует одно – это не Джайлан эмирын вас похитила.

– Что? – сердито сказал Лючано, отнимая руки от лица. – Ваши принцессы обычно занимаются тем, что похищают иностранных аристократов?

– Ну, говорили же, что Нихан эмирын похитила сердце вашего наследника престола. – Хенрик ага пристально смотрел на него. Боже, нет, он не может ничего знать, у него, Лючано, просто развивается паранойя.

– Зачем эмира вас послала сюда, и где сам шах Кадир? – спросил Лючано, чтобы отвлечься от пугающих мыслей.

– Шах сейчас путешествует, а эмира пожелала убедиться, что во владениях ее сына все в порядке. – Хенрик сделал паузу. – И что Джайлан эмирын не сделает ничего... непоправимого.

Видимо, старшую сестренку принцессы Нихан не сильно жалуют в родном доме. Неужели, подозревают в заговоре? Лючано внезапно стало холодно, спина покрылась липким потом. А что если это не Марио Риччи обыскал его бессознательное тело и завладел бумагами, а Джайлан? У нее было много времени и возможностей. Хенрик ага утверждает, что из случайного телепорта возможен выход только в окрестностях Башни, но суридская принцесса обнаружила одного Лючано. Граф Риччи успел обыскать его и сбежать? Или же Джайлан обыскала его и... Слуги говорили, что она писала письмо. Лючано вздрогнул всем телом и схватил за руку Хенрика.

– Послушайте... вы... вы сможете перехватить того гонца, что отправила дочь эмира?

– Это будет довольно сложно, я понятия не имею, куда он направился. Со вчерашнего дня он мог далеко уехать, особенно, если поторопится. Да что с вами, юноша? Я позову лекаря.

– Нет! – завопил Лючано. – Стойте. – Он еще сильнее вцепился в руку Хенрика, из всех сил стараясь успокоиться. Он может ошибаться. Принцесса Джайлан не знает ни про какие бумаги и могла писать, кому угодно. У нее, судя по всему, свои дела здесь, в Суриде. Но проклятый случайный телепорт!

– Меня и мага, которого я держал, могло выбросить в одно место? – хрипло спросил Лючано.

– Не знаю, – покачал головой Хенрик. – Насколько я понял, нет, но для точности надо спрашивать мага. – Он снова с сочувствием посмотрел на Лючано. – Все так плохо?

– Я не справился. Я безнадежный болван. Мой отец бы выпорол меня за это, и я бы не возражал.

– Все-таки Джайлан эмирын? – сквозь зубы проговорил Хенрик. – Что она натворила?

– Я не знаю. Я должен подумать.

– Вы сможете подумать по дороге в столицу? – твердо спросил Хенрик. – Я считаю, что вас нельзя оставлять здесь.

– Я постараюсь, – кивнул Лючано, закрывая глаза.

– Мы поплывем на корабле, так вам будет легче перенести дорогу.

Королевский дворец, столица, Илеханд

Поздно вечером у дверей ее комнат Ингрид ждал Рудольф. Он стоял в стороне от вытянувшихся гвардейцев, облокотившись на стену.

– Все свободны. Караул оставьте только на входе в крыло, – приказала Ингрид, сердце которой забилось чаще. Однако лицо Рудольфа было невесело и слишком сосредоточенно. Снова плохие новости.

– Проходи. – Она распахнула дверь. – И я налью нам выпить прежде, чем услышу об очередных провалах.

Они устроились в креслах у незажженного камина, запасшись парой бутылок вина. Генерал-регент сняла перевязь, Рудольф последовал ее примеру и задумчиво осушил поднесенный Ингрид бокал.

– Вернулись мои люди из охотничьего замка. – Рудольф повертел в руке пустой фужер и поставил его на пол. – Генералиссимус получил письмо и приказал выступить небольшим

отрядом на север. Видимо, он хотел перевезти кронпринцессу в другое место. По дороге на них напали. Шпаги, пистолеты и магия. Из отряда Йенса не выжил никто, а кронпринцесса исчезла. Ее конь, спустя несколько часов, вернулся в конюшню замка.

– Ее все-таки увезли, – нахмурилась Ингрид. – Если бы она сбежала, то была бы уже в столице.

– Среди останков, напавших удалось опознать только один труп. Грабителя и наемного убийцы по прозвищу Мышелов.

Ингрид с любопытством взглянула на него, но лицо Рудольфа было мрачнее тучи.

– Ты винишь себя за то, что вытащил его из тюрьмы?

– Не в этом дело. Не он, так кто-нибудь другой, такого «добра» у нас пока хватает. Но мне пришлось воспользоваться его услугами при инсценировке покушения на генералиссимуса. – Рудольф поморщился и на мгновение отвел глаза. Похоже, он до конца не простил себе эту ребяческую выходку. – Мышелов, кроме совершенно гнусного нрава, всегда отличался тем, что дорого брал и умел держать язык за зубами. Однако его последний наниматель предпочел избавиться от него после выполнения задания.

До Ингрид медленно дошло, о чем хотел сказать Рудольф.

– Кому-то известно о тебе чересчур много. Этот Мышелов перестал молчать и выложил все о своих прошлых делах. Или не все, а только то, что интересовало его нанимателя. И тот решил, что болтун должен замолчать. Все это может быть и совпадением, и наемнику просто не повезло в битве. Но если нет, то наниматель должен быть знатным богатым человеком с определенной репутацией.

– Не произноси это имя, – опередил ее Рудольф.

Ингрид обижено засопела.

– Элвира думает, что это Конрад Корф.

– Да ну? – внезапно заулыбался Рудольф, и Ингрид показалось, что солнце выглянуло из-за туч, хотя вокруг была ночь.

– Ага, – в тон ему ответила Ингрид. – Или оба брата-герцога вместе. Их напряженные отношения могут быть игрой на публику.

– Что она еще думает? – Рудольф закинул ногу на ногу и сцепил пальцы на колене.

– Что вся история с похищенным ребенком – ложь от начала и до конца. Оттилия и Конрад придумали ее, чтобы сбить нас со следа и позволить Конраду покинуть столицу под благовидным предлогом. А ребенок жив и здоров и находится у себя в замке.

– А как наша мудрая капитан Ротман объясняет убийство барона Зингера?

– Его убрали, чтобы он не открыл заговор мне, что собирался сделать сразу после свидания в «Алмазном сердце». А фальшивая записка нужна опять же для того, чтобы запутать нас.

Рудольф откинулся в кресле. Вид у него был потрясенный.

– Оттилия могла пригласить его в гости и тихо отравить, – покачал он головой.

Ингрид развела руками.

– Согласна. С бароном снова неувязка. Но в остальном, вся версия имеет право на существование.

– Совестьливый барон и злодей зять. Твоя история наоборот, Ингрид, – протянул Рудольф. – В придворном храме этот самый коварный зять, наверное, обдумывал свои планы. Или занимался вербовкой почтенных отцов.

Ингрид представила себе все это в лицах, не смогла сдержаться и фыркнула.

– Раз уж мы снова застряли, предлагаю еще выпить. – Рудольф поднял свой бокал и потянулся за бутылкой. – Надеюсь, пример наших храбрых генералов не испугал тебя.

Ингрид смотрела, как он разливает вино, и внезапно ее охватило чувство тревоги.

– Руди, что ты намерен делать?

– Завтра утром я выезжаю в Золотые Дубы. Необходимо найти ребенка и забрать ее. Мы уже потеряли Вильгельмину.

Ингрид изумленно смотрела на него поверх бокала.

– Но почему ты? Давай пошлем кого-нибудь.

– Кому ты настолько доверяешь, кроме лейтенанта Фойгта? И, возможно, наделенной богатым воображением капитана Ротман?

– Но... – начала Ингрид, пытаясь придумать разумный предлог, чтобы отговорить его, однако быстро поняла, что его нет. – Я не хочу, чтобы ты уезжал, – выдохнула она.

Рудольф наклонился вперед, протянул к ней руку, коснулся выбившейся из ее косы пряди волос и аккуратно заправил за ухо.

– Но, похоже, у нас нет другого выхода, – закончила Ингрид, перехватывая его ладонь и сжимая ее. – В таком случае, сегодня я тебя не отпущу. Среди всего этого политического кошмара нужно найти время и для себя. Для нас.

Она потянула его из кресла и, оказавшись в объятиях, увидела, как сияют его удивительные светлые глаза, и потянулась за поцелуем. Но Рудольф отстранил ее от себя и, внезапно подхватив на руки, понес в спальню.

Голова у нее слегка кружилась, то ли от выпитого вина, то ли от предчувствия долгожданной близости с любимым. Сердце бешено колотилось, и было немного не по себе. «Что я как девчонка? стыдно же!», – думала Ингрид, сидя на кровати и пытаясь расстегнуть колет непослушными пальцами. Руди поймал ее руки, и слегка сжал запястья. Потом начал целовать холодные пальцы и греть их своим дыханием, глядя прямо в глаза, зачаровывая ее своим взглядом, заставляя забыть обо всем. Ингрид вновь потянулась к нему, и на этот раз он ответил ей долгим глубоким поцелуем.

Герцогство Синие Камни, Тусар

Кьяра окинула взглядом несколько рядом стоящих обширных строений, стараясь найти среди них жилой дом. Легкий ветерок доносил мерный стук, скрипение и иногда обрывки разговоров. Там всю кипела работа. Кьяра сильно устала и, похоже, безнадежно обгорела на солнце. Каретная мастерская уважаемого Ипполито находилась недалеко от Столичного тракта, но Кьяра часть пути по этому самому тракту проделала на своих ногах, поэтому больше всего мечтала о мягком кресле и вкусном завтраке.

Кьяра еще раз внимательно осмотрелась и увидела, как из ближайшего низкого домика выбежали друг за другом какое-то небольшое животное и девушка в темном платье. Они мчались в сторону Кьяры, и скоро стало понятно, что животным была удивительно милая белоснежная козочка. Она остановилась возле Кьяры, подняла к ней мордочку и требовательно мекнула.

– Ох, простите. Нита такая бестолковая, привязывается ко всем, – пропыхтела подросевшая девушка и схватила козу за ошейник с цветочками. Кьяра невольно залюбовалась картиной, достойной кисти художника – милая юная девушка на лугу среди цветов с белоснежной козочкой. – А вы к кому?

– Мне нужна Алессия, – очнулась Кьяра от размышлений и с некоторой неловкостью заметила, что девушка внимательно рассматривает ее. По-тусарски Кьяра понимала и говорила с трудом и, наверное, акцент ее был чудовищным. Но хуже всего, что она после долгих дней пути, сначала верхом, а потом пешком, напоминала если не бродяжку, то лихого человека, промышляющего на больших дорогах, точно. Хотя нет, разбойникам полагается оружие, а у нее не было даже ножа. Драгоценная шпага с гербом Морской Длани, острый стилет и дорогой ее сердцу пистолет были безвозвратно потеряны в столице Илеханда.

– Мама? – переспросила девушка и насупила тонкие темные брови. – Тогда идем в дом, я провожу.

И она выпустила козу, которая тут же рванула вперед, забавно потрясая ушами и вскидывая задние копытца.

– Стой, Нита! – закричала девушка и прибавила еще что-то, но познаний Кьяры в тусарском на этот раз не хватило.

Насколько ей было известно, у Алессии не могло быть такой взрослой дочери. Покидая Морскую Длань в свои сорок лет, нянька Кьяры была бездетна, а девушке, опекающей козу, на вид можно было дать семнадцать-восемнадцать.

Следуя по пятам за своей провожатой, Кьяра прошла по лабиринту из разнообразных строений и оказалась в закрытом дворе перед крепкой деревянной дверью. Девушка снова схватила козу за ошейник и забарабанила в полуоткрытые оконные ставни на первом этаже.

– Мама, выходи! К тебе пришли! Да выходи же!

Через некоторое время тяжелая дверь распахнулась, и на пороге появилась высокая женщина в опрятном платье и белоснежном накрахмаленном чепце на голове. Она сердито посмотрела на девушку с козой, а потом перевела взгляд на гостью.

– Здравствуй, няня Алессия, – улыбнулась Кьяра.

– Ох... – чуть слышно произнесла та и всплеснула руками. – Ох, миледи, да откуда же вы... – Она осмотрела ее с ног до головы и снова всплеснула руками. – Да что ж я стою-то? Простите, миледи, проходите. – Она посторонилась в дверях. – Изетта, убери козу и закрой рот, стыд какой!

Получив еще несколько указаний, которые Кьяра не перевела, девушка, выпучив глаза, куда-то умчалась. Белая коза вместе с ней. А Алессия, поправляя чепец, провела гостью в прихожую, а затем в прохладную и просторную гостиную.

– Садитесь, миледи. И еще раз простите. Изетта молода и несколько бестолкова.

Кьяра, устроившись на небольшой скамье с удобной спинкой, с наслаждением втянула ноги.

– Я плохо говорю по-тусарски и не смогла ей объяснить, зачем приехала. Не ругай ее. В конце концов, я не старше ее.

– Постарше, миледи, – тоже по-илехандски ответила стоявшая у стола Алессия, наливая что-то из кувшина в большую кружку. – Изетте в Макушку Оленя стукнет семнадцать. О женихах пора думать, а она все с козой бегаёт. Вот, держите. Сейчас сладких трубочек поищу.

Кьяра отпила из кружки густого молока, показавшегося ей самой вкусной едой в мире. На столе появились несколько небольших трубочек, начиненных кремом. Пока гостья жевала, Алессия кружила по комнате, убирая одежду и валяющиеся игрушки.

– Изетта дочь твоего мужа? – спросила Кьяра.

– Да. Когда я приехала, бедные сиротки меня сразу же мамой звать стали. Хотя уже не сильно маленькие были. Два мальчика и девочка.

Кьяра вспомнила, что каретник Ипполито был вдовцом и кивнула.

– Значит, ты счастлива?

– Благодаренье Млету, миледи. Хлопот, конечно, много, бывает, к вечеру из сил выбиваешься. Но так все хорошо. Вот, даже маму мою недавно к себе перевезли. Болеет она тяжело. – Алессия замолкла, прислушиваясь к стуку двери и приближающимся шагам. – А вот и они. Не волнуйтесь, миледи. Если что не поймете, я расскажу.

В комнате тем временем появились уже знакомая Кьяре Изетта, в этот раз держащая не козу за ошейник, а мальчика лет трех за руку, и двое высоких темноволосых молодых людей. Они все поклонились в сторону Кьяры и застыли, испуганно хлопая глазами.

– Дети, это миледи Кьяра, – торжественно провозгласила Алессия. – Помните, я рассказывала вам, как была няней в Морской Длани в Илеханде? Вот это моя подопечная.

- Доброе утро, миледи, – нестройно проговорили трое взрослых детей.
- Отец работает? – осведомилась у них Алессия.
- Да, мама, – басом произнес старший молодой человек. – У него срочный заказ. Говорит, подмастерья не справятся.
- Ну, ладно. – Алессия посмотрела на Кьяру. – Это Паоло, старший. Его брат Сильвио. С Изеттой ты уже знакома. А это, – она кивнула на малыша, прячущегося за юбкой девушки, – Руфо, наш младшенький.
- Кьяра с интересом взглянула на ребенка.
- Это твой сын, няня? – спросила она.
- Мой, мой, так вот получилось. Мы с Ипполито и не ожидали. – Она махнула рукой детям. – Идите, мальчики, помогайте отцу. Я позову к обеду.
- Она отдала еще несколько распоряжений, и Изетта с малышом вышла в одну из дверей, которые вели не на улицу, а внутрь дома.
- Еще молока? – спросила Алессия.
- Кьяра покачала головой, снова чувствуя накатившую усталость. Няня пододвинула небольшой стульчик и присела напротив нее.
- На чем же вы добирались, миледи? – участливо спросила она.
- Из столицы Илеханда – на коне, – криво улыбнулась Кьяра. – Потом его пришлось продать, потому что денег у меня не оказалось. Меня заверили, что каретная мастерская недалеко, и за сутки я добралась сюда.
- Млет всемогущий, – воскликнула Алессия. – Как же так, миледи? Неужели что-то случилось?
- Много всего, но я не все смогу тебе рассказать. К тому же, не уверена, что тебе будет интересно. Ты не могла бы дать мне какое-нибудь платье, няня Алессия? С тех пор, как я пересекла границу Тусара, на меня так странно смотрели. Здесь не привыкли к женщинам в мужской одежде.
- Я вам дам платье Изетты, но оно довольно простое. – Алессия вскочила, подбежала к открытому окну и высунулась наружу. – Симона! Симона, где ты? Иди немедленно в дом. – Она повернулась к Кьяре. – Сейчас вам сделают ванну, миледи, а потом переоденетесь.
- Ванна оказалась поистине магическое воздействие на уставшую и грязную Кьяру. Служанка Симона, проворная и остроглазая старушка, принесла стопку полотенец и одежду, а потом была торопливо выпровожена Алессией.
- Сплетница, – фыркнула няня. – Вечно все разнохивает. Теперь понесет по ближайшей деревне о важной гостье, на все Синие Камни разстрезвонит. Ну, по-илехандски она точно не понимает, так что может греть уши у дверей, сколько угодно.
- Кьяра рассеянно водила рукой по воде, играя пеной.
- Как поживают милорды в Морской Длани, миледи? – спросила Алессия, возясь с ведрами.
- Зигмунд умер, няня, год назад, – подняла глаза Кьяра. – И Конрад тоже.
- Ох, Господи. – Алессия, судя по звуку, что-то уронила и повернулась к ней лицом. – Млет всемогущий, мы и не знали. Бедный монсеньор Зигмунд. А Конрад такой молодой.
- Зигмунд сильно простудился, а Конрад утонул, – ровным голосом произнесла Кьяра.
- Бедный монсеньор Зигфрид, – сокрушенно закачала головой Алессия.
- Не такой уж и бедный, – буркнула Кьяра, которая все еще немного злилась на Зигфрида.
- В конце концов, он мог хотя бы попытаться освободить ее из дворца.
- Алессия выпрямилась, держа в руках полотенце, и внимательно посмотрела на нее.
- Вы поссорились?
- Я сбежала, няня, – недовольно сказала Кьяра. – А Зигфрид рассердился на меня.
- И вы поэтому приехали ко мне, миледи?

– Не только. – Кьяра повела плечами в остывшей воде. – У меня есть дело, и только ты сможешь мне помочь.

Герцогство Морская Длань, Илеханд

Манфред задремал сразу после завтрака. Последние дни выдались напряженными, и в это мирное и на редкость тихое утро он решил расслабиться прямо на диванчике в малой гостиной. Отсюда легко и быстро можно было попасть к главным воротам замка. Если что произойдет. Но пока мирная тишина нарушалась только тихими шагами слуг и криками какой-то беспокойной птицы за окном.

– ...немедленно проснись, ты что тут устроил! – раздался над ухом гневный голос.

– Я не сплю, – пробормотал Манфред, разлепляя глаза и смотря в сердитое лицо жены.

– Я вижу. Ты совсем распустился. Немедленно поднимайся! Где эта девчонка, подопечная Феликса?

– Наверное, еще спит. – Манфред протер глаза и зевнул. – Что случилось, почему ты кричишь?

– Случилось? – Гизела выпрямилась и уперла руки в бока. – У нас покойник перед воротами, вот что случилось!

Манфред моргнул. Обычно жена не пьет с утра.

– Кто? – тупо спросил он.

– Конрад. Или дух-оборотень средь бела дня, – бросила Гизела. – Буди девчонку. Феликс уехал, а маг нам может пригодиться. Мало ли что. Жду вас во внешнем дворе.

Манфред, путаясь в ногах, и ровным счетом ничего не понимая, помчался выполнять указания.

Ильза действительно спала в одной из гостевых комнат, которую занимала со дня появления в Морской Длани, однако, услышав, что она нужна, беспрекословно встала, собралась, потратив всего несколько минут, и вышла. В Башне их что ли дисциплине учат? Девушка нравилась Манфреду, несмотря на все предубеждения его жены. Она была воспитана, приветлива и ненавязчива. Почти все время проводила в библиотеке или с Феликсом, пока он не покинул замок по поручениям монсеньора, не доставляя никаких хлопот. Иногда она возилась с немногочисленными малышами, детьми гвардейцев или слуг, чем вызывала умиление и обожание их родителей.

Гизела ждала их в назначенном месте, глаза ее сверкали.

– Наконец-то, – прошипела она.

– Мы пришли почти сразу, – возразил Манфред. – Где?

– Иди со мной, и сам увидишь. Нам придется решить, что с ним делать.

– Но монсеньор приказал...

– Да знаю я, – отмахнулась Гизела. – Так. Девушка пусть встанет за колонной, чтобы ее не было видно. Думаю, она сама поймет, как действовать, если что случится.

Гостья выдержала взгляд и послушно отошла. Все-таки Гизела бывает несправедлива. И все из-за своего предубеждения. Интересно, чтобы она сказала насчет монсеньора Зигфрида, если бы знала?

Заметив за воротами одинокого всадника и, внимательно присмотревшись, Манфред, к своему стыду, чуть не сел на землю. Он до последнего считал, что Гизела ошиблась. Но, к его изумлению и ужасу, на взмыленной лошади действительно сидел монсеньор Конрад, как живой, без шляпы, с открытым лицом, поэтому не узнать его было невозможно.

– Ммм... – только и смог промычать Манфред.

– А что я тебе говорила? – прошипела Гизела.

– Что ты ему сказала? – еле ворочая языком, спросил Манфред.

– Что позову тебя, и ты решишь. А ты преспокойно спал!

– Вот спасибо. Как будто ты сама не знаешь приказа.

Гизела посмотрела на него и отвернулась.

– Я не могу, – выдавила она, и Манфред понял, что жена была рассержена не на него, а на себя. И внезапно ощутил, как его страх и неуверенность исчезли.

– Ладно, девочка, я сделаю, что надо. – Он потрепал ее по руке и сделал шаг к кованым воротам.

Утреннее солнце путалось в ярких волосах гостя, превращая их рыжий цвет в огненный. Серые глаза были прищурены.

– Я так понял, меня здесь очень рады видеть, – заговорил бывший покойный герцог Конрад прежде, чем Манфред успел открыть рот. – Впрочем, это ожидаемо. Где мой брат?

– Герцога Зигфрида нет в замке, – ответил Манфред. – И у меня строгий приказ – никого не пускать.

– Я отношусь к этим «никого»? – осведомился Конрад, откидывая голову.

– Мон... монсеньор, я рад, что вы живы, но вы должны понять меня, я...

– Вам я ничего не должен, Манфред, – резко прервал его Конрад. – Вы никогда не были моим слугой, хотя и присягали мне на верность. Я приехал забрать свою дочь.

– Что? – Манфред вовремя успел подобрать челюсть, готовую резво поскакать по земле, и беспомощно оглянулся назад, на застывшую жену. Но та только, в свою очередь, приоткрыла рот. – Ваша дочь? Я ничего не знаю об этом.

Конрад молчал, оценивающе осматривая Манфреда.

– Где Зигфрид?

– Не знаю. У меня пр...

– Когда вы в последний раз его видели?

– Много дней назад.

– Если вы лжете, я смогу это проверить. А моя дочь, она здесь?

– Здесь только дети наших людей, – покачал головой Манфред. – К чему этот допрос, монсеньор, я человек подневольный...

– Я не склонен верить вам на слово. Пропустите меня.

Манфред стиснул зубы и со свистом втянул в себя воздух.

– Не могу, у меня приказ.

Он увидел, что Конрад перевел взгляд куда-то за его спину, нахмурился, а потом медленно кивнул, словно здороваясь. Манфред покосился назад и увидел, что Ильза вышла из-за колонны. Именно ее поприветствовал Конрад. Неужели они знакомы? Хотя если девушка давно работает с Феликсом, то, конечно, могла знать старшего сына Зигмунда по визитам в Башни.

– Я ваш герцог, Манфред. – Конрад теперь смотрел прямо на него. – Откройте ворота.

– Вы мой покойный герцог, – упрямо возразил Манфред. Если Гизеле было тяжело, то ему сейчас просто невыносимо. Но долг есть долг, и выбор сделан. – И я вместе со всеми оплакивал вашу смерть, монсеньор. Вы ушли в море и упокоились с миром. Но море не приняло вас. Почему – не мне решать и судить. Но вы мертвы, монсеньор, а у меня приказ – никого не пускать в замок.

Манфред ожидал, по меньшей мере, гнева. Но Конрад молчал, застыв на нервно перебирающем копытами коне, словно статуя. Оставалось надеяться, что он не схватится за пистолет, торчащий из ольстры у седла. Конечно, Манфред не отступит перед угрозой, но умирать сейчас ему хотелось меньше всего.

– Я жив, недобрые духи тебя бы побрали, проклятый упрямец, – спокойным и каким-то серым голосом произнес, наконец, Конрад. – И будь я прежним, я бы заставил тебя ответить за твою дерзость и впустить меня в мой собственный замок.

Манфред вздохнул.

– Тогда почему вы не пришли с отрядом или армией, монсеньор? Или с королевским или регентским приказом? Или со свидетелями того, что ваша дочь находится в замке? – Он, чувствуя тяжесть в груди, внимательно взгляделся в Конрада. – Вы хорошо знаете, что я не могу нарушить приказ моего герцога.

Гость сердито тряхнул огненными волосами и привстал на стременинах.

– Твой герцог, мой брат, виновен в том, что случилось со мной. А теперь он намерен угрожать мне безопасностью моей дочери.

С Конрадом что-то было не так. Манфред не мог понять, что именно, однако осознавал, что перед ним не тот Хозяин Морской Длани, который вступал в наследство своего отца год назад. И, прежде чем Манфред сумел посадить на привязь свой язык, тот уже начал говорить.

– А в чем виновны вы, монсеньор, если явились сюда в одиночку и с голословными обвинениями? – Он краем уха услышал, как сзади охнула Гизела. – Никто из нас не знает, что у вас есть дочь. Никто не знает, где вы были все то время, что вас считали погибшим. Если вы могли вернуться раньше, то почему не вернулись? А сейчас... сейчас уже поздно. И, как я уже говорил, у меня приказ.

Конрад отшатнулся от ворот, и Манфред в одно мгновение подумал, что он кинется вперед и разорвет его в клочья, невзирая на тяжелые кованые решетки. Вероятно, год назад он бы так и сделал. Но сейчас воскресший герцог только ссутулился в седле и рассеянно провел рукой по волосам.

– Я понял тебя.

Конрад резко развернул коня и поскакал по дороге, с каждой секундой все больше удаляясь от замка.

Не чувствуя под собой ног, Манфред вернулся к ждавшей его жене, девушке магу и страже.

– Что с ним стало, Манфред? – Глаза Гизелы намокли от слез.

– Не знаю. Но мне страшно хочется выпить. Если ты не возражаешь.

– Про какую дочь он говорил? – всхлипнула Гизела, покачав головой.

Манфред пожал плечами, и за него неожиданно ответила Ильза.

– Герцог Конрад был тайно женат. Он представил свою жену на Большом дворянском собрании в столице. Видимо, их ребенок пропал.

Манфред смотрел на нее во все глаза.

– Откуда вы все это знаете?

– Ку... монсеньор Зигфрид сказал.

– Значит, ему все известно. И то радуется. Один подобный доклад, и я уйду в отставку и стану разводить пчел, – облегченно вздохнул Манфред и повернулся к жене. – Идем, девочка, нам обоим не помешает выпить.

– По Морской Длани пойдут слухи. – Гизела шмыгала носом, но выглядела собранной и серьезной. Нелегко ей далось второе прощание с герцогом Конрадом, ее любимцем. – Придется послать людей в порты. Может, Зигфрид и знает, но от очагов мятежа следует избавляться вовремя.

– Можно дожидаться Феликса, – рассудительно сказала Ильза. – Он точно скажет, где искать герцога и сможет передать ему все новости.

Гизела кинула на нее взгляд и закусила нижнюю губу.

– Спасибо, – неохотно произнесла она. – Сообщите, когда он появится.

Глава 6

Королевский дворец, столица, Илеханд

– Генерал-регент, во дворец прибыл герцог Зигфрид, – с невозмутимым лицом доложил генерал Гюнтер Зольмс.

Ингрид ошеломленно воззрилась на него:

– Что? Почему я слышу об этом только сейчас? Когда он успел въехать в столицу?

Брошенная папка с бумагами грохнула об стол, не удержалась на углу и тяжело упала на пол.

– Пока не знаю, генерал-регент. – Лицо Зольмса осталось невозмутимым, но нос сапога тревожно сдвинулся в сторону. – Докладывают, что герцог остановился в своем городском особняке.

– Вот как? – закивала Ингрид. – Вам не кажется, генерал Зольмс, что это уже слишком? Сначала в «Алмазном сердце» появляется герцог Максимилиан, который должен быть в Высокогорье, а теперь Зигфрид Корф сваливается нам на головы. Завтра из-под моей кровати вылезет герцог Фридрих?

– Я прикажу усилить патрули. – Нос сапога вернулся на место, и генерал щелкнул каблуками.

– Лучше заведите себе сеть осведомителей. И не скупитесь на их материальный стимул. – Ингрид хотела прибавить «возьмите пару уроков у кавалера Риделя», но вовремя придержала язык. С Рудольфом она попрощалась ранним утром. И не вышла провожать, опасаясь некстати нахлынувших эмоций. Она никогда не верила в предчувствия, но последние вести генерала Зольмса поколебали ее убеждения. Сначала один герцог, теперь другой. Что их заставляет кружить вокруг дворца, словно осы над вареньем? И не отправился ли Рудольф напрямиком в западню?

– Слушаюсь, генерал-регент.

– Вы свободны, генерал. И пошлите кого-нибудь в городскую тюрьму. Пусть капитан Ротман зайдет ко мне.

Ингрид показалось, что невозмутимое лицо генерала Зольмса дрогнуло, а в глазах мелькнуло странное выражение. Впрочем, все это могло быть игрой воображения.

Зигфрид Корф ждал ее в малом тронном зале. И Ингрид могла поклясться, что он не просто так выбрал это место для встречи. Конечно, можно было настоять на разговоре в ее кабинете, однако она решила пока поиграть по его правилам.

– Добрый день, генерал-регент, – холодно поздоровался герцог, склоняясь в небольшом поклоне. Излишняя почтительность тоже была подозрительна. Ингрид заставила себя успокоиться и перестать искать подвоха в будничных вещах.

– Добрый день, герцог Зигфрид. Что привело вас во дворец?

Он стряхнул с рукава своего серо-красного, похожего на военную форму, костюма несуществующую пылинку и скучающе посмотрел на стену позади Ингрид. Кажется, с излишней вежливостью она поторопилась.

– Я хотел бы переговорить с кавалером Рудольфом Риделем.

Ингрид показалось, что она ослышалась.

– С кем, простите?

– С одним из ваших советников, генерал-регент. Думаю, вы его помните.

– Безусловно, – так же холодно ответила Ингрид. – Но, к сожалению, вы не сможете этого сделать.

– И почему, позвольте спросить?

– Потому что кавалера Риделя нет в столице. – Ингрид заложила руки за спину, прошлась вдоль ряда кресел, выдерживая паузу. – Он уехал за дочерью герцога Конрада, вашей племянницей. В похищении которой ваш брат обвинил вас. – Она остановилась и в упор посмотрела на Зигфрида.

Кажется, удар попал в цель. Взгляд ничего не выражающих серых глаз перестал блуждать по стенам и потолку и остановился прямо на ней.

– Туше, генерал-регент. – Он чуть поднял левую бровь. – Впрочем, выражаю надежду, что вы проигнорировали это абсурдное обвинение.

– Позвольте, герцог, в нем нет ничего абсурдного, – не согласилась Ингрид, возобновляя свое путешествие вдоль кресел. Ходьба успокаивала и волшебным образом помогала думать. – Вы можете назвать его ложным, и это ваше право, но не абсурдным. У вас есть мотив.

– Тогда ответьте мне, почему я заколол этого жалкого барона Зингера да еще и в «Алмазном сердце»?

Ингрид остановилась, чуть не споткнувшись.

– Он мог вам угрожать, – отрывисто бросила она первое, что пришло в голову.

– И я был в ужасе, – кивнул Зигфрид. – Боюсь, ваша теория, генерал-регент, требует серьезной доработки. Я не похищал младенца и не убивал тестя своего брата. А он сам, обвиняя меня, несколько погорячился. Но это простительно в его положении.

Ингрид стала надоедать эта игра, похожая на кошки-мышки. Конечно, наивно было полагать, что Хозяин Морской Длани не держит при дворе осведомителей. Но зачем ему понадобился Рудольф? Духи всего мира побрали бы этого проклятого Зигфрида Корфа с его ничего не выражающим лицом и безучастными глазами! И как его подданные еще не утопили его в море?

– О чем вы хотели поговорить с кавалером Риделем?

Зигфрид моргнул и глубоко вздохнул.

– Вам не приходило в голову, что он может играть на две стороны?

Вот как. Значит, берем оленя за рога?

– Это исключено, герцог.

– Ваша вера весьма похвальна. Хотелось бы и мне настолько доверять людям. – Он снова обвел глазами зал и сделал миролюбивый жест рукой, в которой держал шляпу. – Ну, раз уж кавалера Риделя нет во дворце, может, я смогу поговорить со своим братом?

– Это тоже невозможно.

Ингрид показалось, что герцог Зигфрид сейчас зевнет, настолько скучающий у него был вид. Зачем он тогда допрашивает ее, если ему настолько все неинтересно? Или она ошибается? Взгляд Ингрид оторвался от красивого холодного лица и заскользил по его телу. Генерал Зольмс поворачивает носы сапог, некоторые люди краснеют или сопят, или переступают с ноги на ногу. Ингрид помнила, как на Большом дворянском собрании у Зигфрида Корфа побледнели губы. Но, вероятно, тогда он был в ярости, и это достаточно сильная эмоция, чтобы ее скрыть. А сейчас...

– Вы хотите сказать, что мой брат и кавалер Ридель уехали вдвоем?

Вот оно. Ногти вцепившихся в шляпу пальцев побелели.

– Честно говоря, герцог, – взгляд Ингрид вернулся к его лицу, – я надеялась, что это вы мне скажете, где ваш брат.

– А я уже успел подумать, что вы надеялись найти ответ на моей одежде, – парировал Зигфрид и усмехнулся.

Паршивец! Ингрид мысленно заскрипела зубами.

– Я не знаю, где мой брат, – сказал Зигфрид. – Но, полагаю, он на пути в Морскую Длань. Или уже там. В любом случае, он не найдет там, кого ищет.

– Герцогиня Оттилия уверена, что вы виновны.

Зигфрид обезоруживающе улыбнулся, и улыбка вышла бы приятной, если бы охватывала все лицо. Но лоб и скулы были неподвижны, а глаза пусты.

– А вам не приходило в голову, что барона Зингера мог убить совершенно посторонний человек, преследуя свои цели?

– И кому же он мог понадобиться? – мрачно озвучила Ингрид камень их с Рудольфом преткновения.

– Ну... – Зигфрид сделал паузу, во время которой чуть прикрыл глаза. – Может, кому-то из его прошлого?

– Что вы об этом знаете? – резко спросила Ингрид.

– Я могу узнать. – Он чуть наклонил голову и, как показалось Ингрид, оценивающе посмотрел на нее.

Улицы; особняк Корфов, столица, Илеханд

Зигфрид покинул дворец только во второй половине дня, когда убедился, что у генерала-регента иссякли представляющие интерес новости. Его мысли перескакивали с одного на другое, мешая сосредоточиться. Вероятно, он просто устал. Стоило ему на несколько дней отлучиться из столицы, и все нужные ему персоны разбежались, как тараканы. И если Конрад теперь не представлял серьезной угрозы, о чем сообщил Райнер Лейтнер, то в кавалере Риделе Зигфрид не был так уверен. На кого же на самом деле работает этот человек? На генерала-регента или Оттилию и ее уже поредевшую на одного барона Зингера банду? Дворцовые шпионы утверждали, что замечали его и в кабинете Ингрид Рихтер, и в придворном храме с Конрадом. И, кстати, какое удобное место для встречи заговорщиков. Знать бы еще, на чем основано убеждение генерала-регента в верности Рудольфа Риделя.

– Добрый день, капитан Ротман. – Зигфрид улыбнулся проходившей мимо женщине в военной форме.

Она остановилась, как вкопанная, и уставилась на него.

– Добрый день, – кивнула она.

– Ваш брат передает вам наилучшие пожелания.

– С... спасибо, ваша светлость.

Элвира Ротман, еще один советник генерала-регента и младшая сестра Алберта. Интересное совпадение. Девушка смотрела на него так, как будто увидела призрак. Зигфрид появился в столице с помощью Феликса, сразу попав в одну из комнат своего особняка. Конечно, это было несколько рискованно, однако дало возможность застать генерала-регента врасплох. Зигфрид усмехнулся про себя, представив, о чем сейчас будут разговаривать Ингрид Рихтер и капитан Элвира Ротман. Держать нужных людей постоянно сбитыми с толку – один из залогов успеха.

Придется провести в столице несколько дней и дожидаться кавалера Риделя. Причем, желательно, перехватить его до того, как он сунется во дворец с докладом. Вся эта история с похищенным ребенком была очень подозрительна. Или она истинна, и тогда это означает, что генерал-регент потеряла еще одну наследницу престола, или же это выдумки Оттилии и его дорогого братца. И в последнем случае становится непонятным, чего они хотели этим добиться.

Зигфрид не сомневался в том, кто прикончил барона Зингера. Он предоставит сведения о прошлых злодеяниях бывшего лейб-лекаря генералу-регенту в обмен на сотрудничество и частичное доверие. Как бы это смешно ни звучало. Со своей стороны он еще мог бы «помочь» в расследовании покушений на покойного генералиссимуса, но с этим Зигфрид решил пока подождать.

Проезжая шагом мимо вывески ювелирной лавки, он зацепился взглядом за женщину с небольшой коробочкой, выходящую из дверей в сопровождении двух слуг. Наверное, Вильгельмине, томившейся на «Злой скумбрии», будет приятно получить какой-нибудь красивый подарок. Ведь все ее драгоценности остались во дворце или в охотничьем замке. Ожерелье, украшенное, например, рубинами, будет неплохо на ней смотреться.

Уже выйдя из лавки, Зигфрид вспомнил, что Кьяре он никогда не дарил подарков, и задумался. Он давно понял, что она так и не ответила взаимностью на его чувства, но, возможно, он сам частично в этом виноват. Казалось бы, что может быть естественнее подарка любимой женщине? Зигфрид помнил, как отец показывал ему большую шкатулку, в которой хранились мамины драгоценности. Большинство из них были подарены ей мужем, и часть – еще в юности отцом и матерью. Почему же он не преподнес Кьяре даже самую маленькую безделушку? Впрочем, надо признать, что его опыт отношений с женщинами смехотворно мал. Случайные связи не в счет. Отец всегда был настолько уверен, что его младший сын женится на кронпринцессе, что Зигфриду не приходило в голову всерьез ухаживать за кем-нибудь. Зато пришло Конраду. Хорошо, что он хотя бы не подарил своей «баронессе Зингер» мамины драгоценности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.